ПЕТЕР ВАЙС

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ И УБИЙСТВО ЖАН-ПОЛЯ МАРАТА, ПРЕДСТАВЛЕННОЕ АРТИСТИЧЕСКОЙ ТРУППОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЛЕЧЕБНИЦЫ В ШАРАНТОНЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ ГОСПОДИНА ДЕ САДА

Перевод *Л. Гинзбурга*

© «Художественная литература», 1979,

сб. «Из немецкой поэзии. Век X — век XX»

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Маркиз де Сад,

шестидесяти восьми лет, исключительно тучен. У него седые волосы и гладкое лицо без морщин. Он неуклюж, дышит порою с трудом, как астматик. Одежда — изысканная, но уже поношенная. На нем белые штаны до колен с бантами, белая рубаха с широкими рукавами, белые туфли с пряжками. Грудь и манжеты — в кружевах.

Жан-Поль Марат,

сорока девяти лет, страдает болезнью кожи. Оп закутан в белую простыню, на лбу — белая повязка.

Симона Эврар,

подруга Марата, неопределенного возраста. Исполнительница этой роли одета в больничный халат с фартуком, голова повязана платком. Движении ее странны и судорожны. Когда ей нечем заняться, она то и дело вынимает платок и при каждом удобном случаи меняет Марату повязку.

Шарлотта Корде,

двадцати четырех лет. Одета в тонкую белую сорочку времен Директории. Грудь открыта, но поверх сорочки накинут легкий белый платок. Когда она появляется на сцене, на нее надевают шляпу с лентами. Постоянно находится под наблюдением двух медицинских сестер, которые ее поддерживают, причесывают и поправляют па ней платье. Движется, как сомнамбула.

Дюпре,

депутат-жирондист. Исполнитель, этой роли носит жилет поверх больничной рубахи. Он в узких, облегающих штанах, в которых ходили молодые щеголи времен Директории. Помещенный в лечебницу как эротоман, он при каждом удобном случае использует роль любовника Шарлотты Корде к своей выгоде.

Жак Ру,

бывший священник, радикальный социалист. Одет в белого цвета смирительную рубаху со связанными рукавами, поверх которой накинуто нечто вроде монашеской рясы. На сцене он появляется только в таком одеянии.

Четверо певцов:
«Медведь» – бас,
«Козел»—баритон,
«Петух»—тенор,
«Соловей»—сопрано,

представители четвертого сословия. Их больничные одежды украшены деталями шутовского костюма. Носят фригийские колпаки, а Соловей — женщина, обвязанная трехцветной повязкой, с саблей, изображает Марианну. Они поют и участвуют в пантомиме.

Пациенты,

второстепенные персонажи: певческие голоса, мимы и хор. По ходу действия они выступают либо в больничной одежде, либо в примитивных костюмах. Те. которые не участвуют в действии, должны делать вид, что репетируют, как бы готовясь к выступлению. Одни повторяют одинаковые движения, кружатся, прыгают, что-то

бормочут, причитают, разражаются беспричинным смехом и криками или на все время представления застывают в прострации. Другие безвольно позволяют передвигать себя из стороны в сторону. Есть среди них несколько таких, кто внимательно следит за развитием действия, напоминая нам о том, что в Шарантоне содержались не только душевнобольные, но и люди, которые были неугодны наполеоновскому режиму из политических соображений.

Глашатай,

поверх больничного халата носит костюм арлекина. Весь, он обвешан инструментами, которые по мере необходимости создают шум. В руке у него посох, украшенный бантами.

Пятеро музыкантов,

пациенты клиники. Они играют на гармонике, лютне, флейте, трубе и барабане.

Санитары,

в форме, с длинными белыми фартуками, что делает их похожими на мясников. В карманы фартуков засунуты дубинки.

Сестры,

в длинных белых фартуках. Воротники накрахмалены, крылья чепцов торчат далеко в стороны. Ходят с четками, играют сестер мужчины атлетического телосложения.

Кульмье,

директор лечебницы, в элегантном костюме, пальто и цилиндре. Носит пенсне и трость. Охотно становится в позу Наполеона.

Жена и дочь Кульмье,

Одеты изысканно, их одежда представляет собой сочетание лилового и жемчужно-серого тонов, искрящихся драгоценностями.

АКТ ПЕРВЫЙ

За сценой — удары больничного колокола.

1. Общий выход

Сцена представляет собой водолечебницу в Шарантоне, со всеми необходимыми атрибутами. Расставлены скамьи для актеров, сестер и санитаров. Впереди стоит ванна Марата, поперек которой положена доска для письма. Справа находится стул для де Сада. Трибуна для Кульмье и семейства тоже должна находиться справа. Постоянное место музыкантов — на сцене.

Д е С а д занят последними приготовлениями к выходу актеров.

С а н и т а р ы завершают обычную процедуру для купания и массажа.

На заднем плане, на возвышении, сидят и лежат п а ц и е н т ы.

Де Сад дает знак, и через заднюю боковую дверь справа входят а к т е р ы, предводительствуемые К у л ь м ь е с с е м е й с т в о м и сопровождаемые санитарами.

Пациенты поднимаются со своих мест. Процессия торжественно движется к рампе.

Звонит больничный колокол.

М а р а т а, закутанного в белую простыню и сопровождаемого С и м о н о й, подводят к ванне.

Д в е с е с т р ы подводят съежившуюся Корде к скамейке.

Д ю п р е, Ж а к Р у и ч е т в е р о п е в ц о в выстраиваются, в то время как Кульмье приближается к игровому кругу.

Г л а ш а т а й стоит в центре сцены.

Де Сад — рядом со своим стулом.

Колокол смолкает.

2. Пролог

К у л ь м ь е

Почтенные зрители нашего театра!
В качестве главного психиатра
я от души вас приветствовать рад.
Присутствующий здесь господин де Сад
оказал нам честь, сочинив для нас пьесу,
способствующую нравственному прогрессу
и исцелению наших больных:
то есть пытается вызвать у них
посредством сценического искусства
необходимые мысли и чувства.
Итак, начинаем... Но просим при том
помнить, что здесь — сумасшедший дом
и перед вами — скорей дилетанты,
нежели признанные таланты...
Мы, будучи передовыми людьми,
хотим не сажаньем на цепь, не плетьми,
как это делалось в средневековье,
душевное им возвратить здоровье,
а в духе гуманности нашего века
и Декларации прав человека
попробуем с помощью развлеченья
немного поднять эффективность леченья.

Общий смех.

Надеемся, зрители нас простят
за то, что наш друг — господин де Сад
осуществил свою постановку,
используя местную обстановку:
предбанник и зал госпитальной бани,
поскольку, именно сидя в ванне,
Жан-Поль Марат, герой нашей драмы,
погиб от кинжала известной дамы,
заколот Шарлоттой Корде — жирондисткой,
здесь представляемой нашей артисткой.

3. Расстановка актеров

Глашатай ударом посоха об пол дает знак оркестру. Торжественная увертюра. Кульмье вместе с семьей направляется к трибуне. Де Сад идет к своему стулу. Марата сажают в ванну. Симона накладывает ему на голову повязку и завертывает его в простыню. Сестры поправляют наряд Шарлотты Корде. Вся труппа принимает героические позы. Первая немая сцена. Музыка смолкает.

4. Представление актеров

Г л а ш а т а й

(трижды ударяет посохом об пол)
Этот, в ванне до самых плеч,
и есть тот Марат, о котором речь.
(Указывает на него посохом.)
Он бледен. От щек отхлынула краска.
На голове у него — повязка.
(Указывает посохом.)
Скоро стукнет ему пятьдесят,
и весь он в прыщах — с головы до пят.
(Указывает посохом.)
Тело зудит. Шевельнуться не может.
Думает: ванна ему поможет.
(Касается посохом ванны.)
Видно, слегка поутихла боль...

Марат берет перо и что-то пишет.

Пациент, исполняющий эту роль,
годится для исторических хроник,
и хотя он, как говорится, хроник,
мы верим в успешность новейших мер —
в водолечение, например,
и к результатам придем превосходным,
подвергнув его процедурам водным.
(Указывает посохом на Симону, которая,
неуклюже склонившись над Маратом,
меняет ему повязку.)
А эта вот дама, стоящая рядом
(сейчас она к вам повернулась задом,

поскольку по ходу играемой пьесы
должна Марату менять компрессы,
чтоб остудить лихорадки жар),
не Шарлотта Корде, а Симона Эврар —
сожительница гражданина Марата,
с которой он обвенчался когда-то
не в церкви, средь гнусных поповских рож,
а в поле, где ветер качает рожь,
на вольной воле, под вольным небом,
не внемля гнусавым псалмам и требам...
Шарлотта Корде приближается к ванне!
(Указывает на Шарлотту Корде, которая оправляет платье и завязывает на груди платок.)

В музыке тема Корде, напоминающая пастораль.

Связана с монархистами в Кане.
Она происходит из местной знати.
На ней сапожки...
(Указывает на ее сапожки.)
Красивое платье...
(Указывает.)
Грудь слегка прикрывает шаль...
(Указывает.)
Конечно, в известной степени жаль,
Что здесь — исторической этой персоной

Корде выпрямляется.

владеют припадки болезни сонной.

Корде, закрыв глаза, вскидывает голову.

Но все же мы верим:
(многозначительно, обращаясь к Корде)
участие в пьесе —
избавит ее от душевной депрессии
и дело у нас обойдется без снов!
(Указывает на Дюпре.)
А сей обладатель нарядных штанов
И парика, убеленного пудрой, —
Дюпре, человек относительно мудрый.
Средь шума собраний и митингов он
Сумел сохранить благородный тон.
Кругом — революция, неразбериха,
А он говорит всегда ласково, тихо,
Но как человек, жирондистам близкий,
включен Маратом в черные списки.
А в остальном — симпатичный малый:
Щеголь, шутник. И добряк, пожалуй...

Дюпре украдкой ласкает Шарлотту. Глашатай бьет его посохом по руке, водворяя на отведенное ему место. Одна из сестер оттаскивает Дюпре от Шарлотты.

За то, что был слишком остер умом,
бывший монах угодил в этот дом.
И мы вовлекаем его в игру,
(показывает на Жака Ру, который, подняв голову,
рвется из смирительной рубахи)
он будет играть у нас Жака Ру.
Видите, вот он, в монашеской рясе.
Ему бы лучше уйти восвояси,
Но он - революционный герой
И за Марата стоит горой.
Весьма примечательная фигура!..
К глубокому сожаленью, цензура
Почти полтекста его запорола,
установив, что здесь есть крамола
и не подходит для наших дней...
Спорить не будем. Властям видней.

Музыка. Жак Ру разевает рот и еще отчаяннее рвется из смирительной рубахи. Кульмье грозит ему пальцем.

Почтенные зрители! Мы решили
поставить спектакль в современном стиле
и все сословия показать —
(указывает на публику)
то есть не только бывшую знать,
имевшую прежде дворцы и угодья,
но и представителей простонародья,
(указывает на актеров)
вовек не имевших земель и дворцов, —
(указывает на четырех певцов)
вроде четверки этих певцов.
В трущобах ютившиеся недавно,
они в лечебнице равноправны.
Всех, кто подвержен душевным увечьям,
мы одинаково тщательно лечим.

Общий смех.

Позвольте вам их представить. Эй!
(Вызывает каждого из четырех.)
Медведь!
Козел!
Петух!
Соловей!
(Указывает на Соловья.)
Считалась последней из потаскух,
а здесь обнаружила голос и слух.

Каждый нарушает свою героическую позу приветственным жестом, как это принято в ярмарочных балаганах. Соловей делает книксен.

Взгляните теперь — хороша картина! —

(показывает на де Сада, который презрительно
поворачивается спиной к публике)
на этого тучного господина.
После житейских и прочих невзгод
у нас он шестой пребывает год.
Сей странный субъект с сумасшедшим взглядом
является бывшим маркизом де Садом,
автором приснопамятных книг.
Сейчас он, правда, немного сник,
Так как, бесспорно, будучи гением,
множество лет подвергался гонениям.
Впрочем, он снова в расцвете сил
и новой пиесою нас угостил...
Все в сборе?.. Итак, приготовиться просим.

Музыкальный аккорд.

Сегодня — год одна тысяча восемьсот восемь,
Июль, тринадцатое число...
Пятнадцать лет, как произошло
убийство того, сидящего в ванне.
(Указывает на Марата.)
Об этой кровоточащей ране,
Хотя прошло уж пятнадцать лет,
Мы никогда не забудем! Нет!
Из этого сердца
(указывает на грудь Марата)
струею красной
хлынула кровь в тот момент злосчастный,
когда – о, час этот проклят будь! —
Марату в его благородную грудь,
(снова касается посохом груди Марата)
вонзилось вдруг острие кинжала,
который она вот! —
(указывает на Корде)
в руке держала.

Музыка. Сестры укладывают Корде на скамейку для краткого отдыха. Симона садится позади ванны. Де Сад занимает свое место. Ру и Дюпре также садятся на скамейку. Четверо певцов выстраиваются, готовясь величать—Марата.

5. Величание Марата

Медведь и Козел
(речитативом)
С тех пор миновало четыре года,
Как наступила у нас свобода,
Многие, многие с этой ночи
На целую голову стали короче!

Х о р
(сзади)

Эй! На фонарь аристократов!
К черту церковь! Долой прелатов!

П е т у х и С о л о в е й
(речитатив)

Сегодня все мы живем войной,
а он —
(указывают па Марата)
революцией жил одной!
Одной дышал революцией он,
которую завершил император Наполеон.

Х о р
(сзади)

Бей генералов, дери их леший!
Смерть торгашам! Спекулянтов вешай!

Ж а к Р у

Да здравствует революция!

Четверо певцов и другие пациенты обступают ванну, чтобы, величать Марата.
Кто-то поднимает венок из листьев.

П а ц и е н т
(сзади)
Марат! Не хотим за вельмож помирать!

П а ц и е н т
(сзади)
Марат! Накорми! Нам нечего жрать!

П а ц и е н т
(сзади)
Марат! Спаси от врачей и клистира!

В с е п а ц и е н т ы

Марат! Мы требуем хлеба и мира!

М е д в е д ь
(указывает на венок)
Мы венчаем тебя, Друг Народа — Марат,
этим венком из березовых листьев
за неимением лавра,
который преступно растрачен
на украшенье безмозглых голов

академиков,
полководцев и принцев!

В оркестре грохот барабанов. Марату надевают на голову венок. Два пациента вынимают Марата из ванны и сажают себе на плечи.

Хор

Слава, слава, слава Марату!
Заступнику нашему, другу и брату!

Марата обносят вокруг игровой площадки. Симона идет рядом и с опаской посматривает на него. Пациенты шествуют следом, сопровождая величание заученными жестами.

Соловей
(по простоте принимая игру всерьез)

Не стоит себя так царапать, папаша!
Смотри: пропадет революция наша!
Кругом об изменниках говорят...

Медведь и Козел
(песня)

Четыре года бьется Марат.
Гонит и давит четыре года
Друг народа врагов парода.
За ним повсюду ищейки рыщут.
Марата ловят, Марата ищут.
Кричат изменники: «Он изменник!
Тому, кто словит, отвалим денег!..»
А он не сломлен, а он не словлен,
А он, как буря, не остановлен!

Петух и Соловей

Эй, выходите из всех подвалов!
Попов громите и феодалов! !
Швыряйте смело на дно колодцев
Их лизоблюдов и полководцев
Вздымайте вверх топоры и косы!
Мы уничтожим вас, кровососы!
Смерть угнетателям! Смерть вампирам!
Отныне равенство правит миром!

Медведь и Козел

Да! Превосходно звучат резолюции...
Кто же присвоил плоды революции?!
Ростовщики, захватившие власть,
сами друг друга спешат обокрасть.
Вор под топор посылает вора.
В кровь перегрызлась собачья свора.

При этом каждый строчит бумаги
О народных правах и народном благе.

Петух и Соловей

На кой же мы черт штурмовали Бастилию
и королевскую смяли фамилию,
если, цепи бесправья порвав,
снова должны добиваться прав?

Четверо певцов и хор

Марат! Революцию нашу изгадили!
Марат! Мы с врагами пока что не сладили!
Марат! Мы, как прежде, живем в угнетении!
К чертовой матери долготерпение!

Марата торжественно вновь водворяют в ванну. С его головы снимают венок. Симона меняет ему повязку и поправляет простыню. Музыка смолкает. Де Сад сидит неподвижно на своем стуле и окидывает сцепу насмешливым взглядом.

6. Подавленное беспокойство

Соловей

Теперь новые нашлись у нас хозяева!
Кровопийцы!
Выпустили бумажки
и говорят — деньги!
А ими только задницу подтирать можно.

Пациент

Забили нам голову всяким вздором,
а право — одно: сдыхать пол забором.

Пациент

Слоняться без дела — вот весь наш труд.

Пациент

И все-то брешут! И все-то врут!

Пациент

Трепались: свобода, равенство, братство!
А получилось одно лишь...

Кульмье вскакивает со стула.

Ж а к Р у
(в середине сцены)

В чьих руках рынки?
Кто запер амбары?
Кто заграбастал сокровища?
Кто владеет землей,
Которую должны были
раздать нам?

Кульмье оглядывается по сторонам. Одна из сестер оттаскивает Жака Ру.

П а ц и е н т ы
(на заднем *плане по предварительному сговору кричат, отбивая такт)*

Знайте, разбойники, к власти пришедшие!
Мы - никакие не сумасшедшие!
Здоровы мы и хотим на волю!

На сцене возникает беспокойство.

К у л ь м ь е
(стучит тростью об пол)

Господин де Сад! Вы не слышите, что ли?
В тексте не было этих слов!

Де Сад не реагирует па слова Кульмье.

Вынужден, к сожаленью, вмешаться
И призвать вас к порядку.
Еще представление, по существу, не началось,
А уже происходит бог знает что!
Убедительно прошу всех успокоиться.
В конце концов, сейчас совсем иные времена,
Чем те, о которых повествуется в пьесе.

Смех в глубине сцены.

Помните об этом
и постарайтесь изобразить
неполадки тех лет,
кстати давно уже преодоленные,
в более благоприятном свете.

Общий хохот. Санитары оттесняют пациентов назад. Несколько сестер; становятся перед пациентами и поют им успокоительные, песни, чем-то напоминающие церковные причитания.

7. Выход Шарлотты Корде

Корде, скорчившись, сидит на скамейке посреди сцены. Сестры поднимают ее и готовят к выходу. Молитвенные причитания в глубине сцены.

Г л а ш а т а й

От лихорадки словно в тумане,
по-прежнему пребывает в ванне
Жан-Поль Марат — человек из народа...
Сумятица девяносто третьего года:
слышатся крики толпы вдалеке.
Вот он сжимает перо в руке.
Тревожною мыслью Марат взволнован,
к карте Франции взглядом прикован
(показывает на карту, которую Марат развернул)
сам не знает, что злобный рок
уже преступает его порог.
(Оборачивается.)

Сзади по рядам актеров пробегает шепот.

Х о р
(шепчет)

Корде! Корде!

Г л а ш а т а й

Вы ждете: вот-вот убийство свершится.
Корде должна на него решиться!
(Указывает посохом на Корде.)

Музыка — тема Корде. Пауза. Глашатай ждет, пока сестры закончат свои приготовления.

И никто из нас,
и никто из пас...
(Ждет.)
И никто из пас
Не в силах ей помешать сейчас.
(Трижды стучит посохом об пол.)

Сестры ставят Корде в позу. Все это напоминает ритуальное действо. Музыка смолкает. Сестры отходят назад.

К о р д е
(сонливо и нерешительно)

Бедный Марат, ты сидишь в своей ванне
И копишь яд,
(проснувшись, говорит тоненьким голоском пасторальной дурочки)

источаешь яд,
которым отравлены толпы громил и
насильников!
Марат,
я пришла,
я –
Шарлотта Корде из Кана,
где сейчас собираются освободительные армии,
готовясь идти на Париж.
Я пришла первой,
Марат...
Когда-то был общий у нас кумир -
великий Руссо... Переделать мир
мы мнили в согласье с его ученьем.
Но одинаковым изреченьям
различный мы придавали толк,
по-разному свой понимая долг,
примкнув к враждебным друг другу группам...
Стремясь к свободе, ты шел по трупам.
Достигнуть равенства ты хотел
нагромождением мертвых тел.
О братстве мы говорили оба.
Но разве к братству приводит злоба?
И я решилась тебя убить,
пока ты всех по успел сгубить.
Я жаждала искру свободы высечь,
убив одного ради сотен тысяч!

Музыка смолкает. Корде стоит, опустив голову. Сестры уводят ее.

8. Я — революция!

М а р а т
(повелительно)

Симона! Симона!
Подлей холодной воды!
Смени скорее повязку!
О, эта чесотка,
этот проклятый зуд!
Сил моих нет... Помоги, Симона!

Симона стоит перед ним, готовая выполнить любое его приказание, и делает заученные жесты. Она меняет Марату повязку, обмахивает его простыней и из кувшина подливает воды в ванну.

С и м о н а

Жан-Поль, успокойся,
не царапай себя -
ты и так весь в крови.
И перестань сейчас же писать!
Ничего хорошего из этого не выйдет.

М а р а т

Мое воззванье!
Мое воззванье к французской нации!
Завтра -- Четырнадцатое июля!

С и м о и а

Жан-Поль, отдохни, пожалей себя.
Посмотри: вода стала совсем красной...

В глубине сцены тихое и торжественное звучание хора.

М а р а т

Что значит ванна, полная крови,
в сравненье с той кровью,
которая еще прольется!
Когда-то мы думали, что обойдемся
сотней-другой казненных,
потом убедились,
что мало и тысяч казней,
а сегодня
я вообще уже сбился со счета...
Повсюду,
повсюду...

(Встает в ванне во весь рост.)

Четверо певцов, не обращая на Марата никакого внимания, разлеглись на полу и играют в карты.

... там
за этими стенами
на чердаках
в подвалах —
торчат заговорщики!
На них фригийские колпаки,
и под рубахой -
щит с королевской лилией!
Они считаются «нашими»,
но стоит только
возмущенной толпе
разграбить лавку
какого-нибудь спекулянта,
как они тут же вопят:
Голодранцы! Канальи!
Пролетарская сволочь!..»
Симона…
Горит голова...
не могу...
Задыхаюсь...
я слышу в себе этот крик,

Симона...
Я — революция!

Сестры опять выводят Корде на авансцену. Дюпре следует за ней.

9. Первый приход Шарлотты Корде

Глашатай трижды стучит посохом об пол и указывает на Корде, Симона стоит, загородив ванну.

Г л а ш а т а й

Первый приход Шарлотты Корде!

В музыке вновь возникает тема Корде.

К о р д е

Мне надо видеть гражданина Марата...
Я пришла сообщить ему важные вести
о положении в Кане,
где сейчас собрались заговорщики...

С и м о н а

Нет, нет, мы никого не принимаем.
Будьте добры нас оставить в покое.
Если вам надобно что-то сообщить,
напишите письмо...

К о р д е

То, что мне надо сообщить,
ни в каком письме не изложишь.
Я хочу его видеть!
Встать перед ним лицом к лицу!
Понимаете?
(Тоном любовного объяснения.)
Да, я хочу увидеть, как он задрожит
и как на лбу у него выступят капли холодного пота!
И я вонжу ему между ребер кинжал,
который спрятан у меня на груди под сорочкой.
(Исступленно.)
Я руками обеими этот кинжал сожму,
но Марат ничего пока не заметит.
Тут я лезвие в сердце вдвину ему,—
и послушаем, что он на это ответит!
Когда хлынет кровь из его груди
(приближается, к Марату)
и когда свершится мое отмщенье...

(Подходит непосредственно к ванне, вытаскивает кинжал и заносит его над Маратом.)

Симона застывает в ужасе. Де Сад поднимается со своего стула.

Де Сад

Еще рано, Шарлотта!
Пока погоди...
Это будет —
в третье твое посещенье.

Корде останавливается, прячет кинжал и покорно возвращается на свою скамью. Сестры и Дюпре следуют за ней.

10. Песнь и пантомима о прибытии Шарлотты Корде в город Париж

Для сопровождения песни пациенты выступают в роли мимов. Путем несложных переодеваний они изображают различных персонажей уличной толпы: щеголей, красоток, торговцев, точильщиков, мальчишек с флажками, акробатов, цветочниц, виляющих бедрами уличных девок. Корде изображает сельскую девушку, которая впервые приехала в город и с изумлением оглядывается по сторонам.

Медведь и Козел
(под музыку)

Прикатила Шарлотта Корде в Париж
и, хотя с дороги слегка устала, -
как увидела: флаги свисают с крыш, —
так в ночлежке задерживаться не стала.
Кто-то, видимо, дал ей такой совет:
прямо к Пале-Роялю бежать чуть свет.

Петух и Соловей

А в аркадах там на любом прилавке —
кружева, гребешки, ремешки, булавки,
белила, румяна, настойки, эссенции,
средства от триппера и импотенции,
всех оттенков помада, чтоб красить губки,
и специальные подмывальные губки,
словом — все: от подвенечного платья
вплоть до тайного снадобья против зачатья.

Медведь и Козел
(под музыку)

Но она не слушала зазывал
и, смешавшись с толпою, вошла украдкой
в оружейную лавку, чтоб выбрать кинжал —
поострей, с перламутровой рукояткой.
Продавец тихонько: «А вам — к чему?

Впрочем, может, возьмете футляр вдобавок?»
И Корде, подмигнув, улыбнулась ему
и два ливра бросила на прилавок.

Мимическая сцена покупки ножа: Корде выбирает себе кинжал и платит. Потом она прячет кинжал под платком на груди. Продавец заглядывает ей под платок и жестами выражает свое восхищение.

Петух и Соловей
(под музыку)

А в садах, в садах щебетали птички.
Кавалеры вдевали цветы в петлички.
Жарким пламенем роз полыхало лето.
Но Шарлотте было плевать па это.
И она вдыхала, нахмурив брови,
странный смешанный запах цветов и крови,
и, нахмурив брови, она глядела
на толпу, что шикала и галдела:
в колесницах высоких на гильотину
осужденных везли, как на бойню скотину.

Мимическая сцена становится все более внушительной и переходит в «Пляску смерти». Музыка подчеркивает монотонный ритм. Двое пациентов, покрытых простыней, изображают лошадь. Они тянут телегу, на которой в одних рубашках стоят осужденные. Священник дает последние напутствия. Пациенты, сопровождающие телегу, съежились, вертятся, корчатся, подпрыгивают, трясутся. У некоторых начинаются конвульсии, и они в судорогах падают на землю. Подавленное хихиканье и стоны. В музыке грохот шагов. Корде — лицом к публике. Говорит она все тем же тоненьким голоском. За ее спиной — грохот шагов.

Корде

Что это за город,
что это за проклятый город,
где солнце не может пробиться
сквозь чадную мглу?
Это — не дождь, не туман,
а теплый, густой, окровавленный пар
скотобоен...
Что они там горланят?
Кого волокут?
Что поднимают на пики?
И для чего этот вопль,
этот хохот,
кривлянье,
сумасшедшая пляска?
Чего они бьют в ладоши?
Чему радуются?
Отчего так визжат их дети?
И что это за телеги,
за которыми следом бежит,
топая башмаками,
ошалелое стадо?

Крики в глубине сцены.

Ах, что это за город,
где прямо на улицах
валяется падаль?
Что это за лица?

За ее спиной развертывается «Пляска смерти». Четверо певцов присоединяются к танцующим. Телега превращается в помост. Два пациента изображают гильотину. Совершается приготовление к казни. Корде, задумавшись, сидит на скамейке.

Скоро, скоро
эти люди обступят меня,
и тысячи пик,
тысячи ртов и глаз
будут кричать:
«Казнить ее!
Мы требуем смерти!»

11. Торжество смерти

Мимически изображается казнь.

М а р а т
(говорит, глядя вперед)

То, что сейчас происходит,
остановить невозможно!
Чего они только не вынесли,
прежде чем месть
стала для них воплощением правды!
Вы видите только внешнюю сторону
и не хотите подумать о том,
как их довели до такого отчаянья,
до такой исступленной ярости!
О, запоздалые плакальщики и гуманисты,
вы теперь причитаете,
глядя, как льется кровь...
Но что эта кровь перед кровью,
которую пролил народ
в ваших разбойничьих войнах
на протяжении столетий?

Падает первая голова. Радостный вопль толпы. Начинается очередная казнь.

Что эти жертвы в сравнении
с миллионами жертв,
принесенными на алтарь вашей жадности,
ради вашей наживы?
Что означает несколько разграбленных замков
в сравнении

с ежедневным и ежечасным ограбленьем народа?!
Нет, вас нисколько не тронет,
даже если этот народ
будет раздавлен и вырезан полчищами интервентов,
которых вы тайно призываете
на французскую землю,
надеясь, что пораженье народа
станет вашей победой!
Разве хоть тень состраданья отразится тогда
на ваших каменных, на ваших надменных лицах,
искаженных сегодня
гримасой притворной жалости
и отвращения к крови?..

Голова осужденного падает. Крики. Голову перекидывают, как мяч.
Тревожный звон колокольчиков.

К у л ь м ь е
(встает)

Господин де Сад,
дело так не пойдет!
Подобные сцены отнюдь
не способствуют успокоению пациентов,
а, напротив,
вызывают ненужное возбужденье.
Собственно, мы пригласили публику
именно для того,
чтоб показать, что у нас находятся
на излеченье,
не только отбросы общества,
но и вполне достойные люди.

Де Сад не обращает на его слова никакого внимания и с презрительной улыбкой оглядывает сцену.

Г л а ш а т а й
(стучит посохом, подчеркивая слова Кульмье)

Мы только то показать хотели,
что имело когда-то место на самом деле,
при этом — настойчиво подчеркиваем и предупреждаем,
что все эти действия решительно осуждаем.
И все, что здесь делается и говорится,
должно и не может у нас никогда повториться.
Разумеется, всякое в прошлом бывало,
но все это, к счастью, давным-давно
миновало!
(Указывает посохом па сцену казни.)

Нарастающий грохот барабанов. Подвозят новые жертвы. Они стоят, готовые к смерти.

К о р д е
(встает)

Вот так же, как вы стоите сейчас,
глядя на палачей,
буду стоять и я,
на этом помосте,
когда ударит мой час.

(Закрывает глаза и, кажется, спит стоя.)

Д е С а д

На, полюбуйся, Марат,
как эти аристократы, недавние обладатели
всех земных благ,
превратили самую смерть в свой триумф!
Теперь, когда у них отнято все,
чем они когда-то владели,
все радости жизни,
гильотина избавляет их от прозябанья и скуки!
И они бесстрашно вступают на эшафот, как на трон,
и навеки прощаются с белым светом,
сохраняя достоинство даже в час своих похорон.
Так скажи, в чем ты видишь коррупцию?
Может — в этом?!

Жертвы опускаются на колени перед помостом. Молитва. Мановением руки де Сад приказывает всей труппе отойти в сторону. Пациенты отходят назад. Телега уезжает. Шарлотту Корде подводят к ее скамье. Музыкальный финиш.

12. Разговор о жизни и смерти

На сцене воцаряется покой. Сестры бормочут краткую молитву.

М а р а т
(через опустевшую игровую площадку,
обращаясь к де Саду)

Де Сад, я как-то читал
в одном из твоих сочинений,
что высшим законом жизни
является смерть.

Д е С а д

И эта смерть существует
лишь в нашем воображенье!
Только человек
способен себе представить
состояние смерти.
Природа ее не знает.
Каждая смерть, даже самая страшная,

растворяется в бесконечном
равнодушье природы.
Лишь мы придаем нашей жизни
какую-то ценность,
природе же — все безразлично!
Мы можем гильотинировать
целую нацию —
природа смолчит!

(Встает.)

Природа сильней человека!
Сильней его разума!
Сильней его воли!
Сильней его совести!
Вспомни хотя бы
Казнь бедняги Дамьена после
его неудавшегося
покушенья
на покойного Людовика Пятнадцатого.
Сколь милосерден топор гильотины
в сравнении с пытками,
которые он выносил
четыре часа подряд,
покуда толпа
тешилась этим зрелищем,
а Казанова, стоя возле окна,
задирал подол своей даме,
глядевшей на казнь...

(Покосившись на Кульмье.)

Ему распороли грудь,
надрезали руки и голени,
вливая в открытые раны
расплавленную смолу,
олово и кипящее масло,
терли воском и серой.
Правую кисть ему спалили огнем,
затем канатами за ноги
привязали к хвостам
четырех лошадей,
не привыкших к подобной работе,
и волокли по земле
в течение целого часа,
но не могли разорвать.
Тогда ему стали надпиливать плечи и бедра.
Одна рука отвалилась,
потом отвалилась другая.
И он это видел и сознавал, что с ним делают,
и что-то кричал толпе.
А когда ему вырвали правую ногу
и левую,
Он все еще жил, хранимый природой, —
правда, голос ослаб.
И наконец, он повис —

окровавленный, грязный обрубок,
мотал головой
и стонал, совсем уже тихо,
уставившись на распятье,
которое перед ним
держал проповедник.

Сестры вполголоса бормочут молитвы.

Вот это воистину было
великим народным празднеством,
перед которым бледнеют
все празднества наших дней!
Каким нестерпимым уныньем
веет от наших казней,
лишенных огня и задора!
Массовость, обыденность
и повседневность убийств
нам не дают насладиться
единичною смертью!
Мы обезличили и обесценили смерть
своим деловым бесстрастьем,
холодным расчетом, —
а там, где утрачен вкус к смерти,
прекращается жизнь.

М а р а т

Гражданин маркиз,
хоть ты и заседал в трибуналах
и даже являлся участником
сентябрьского штурма,
в тебе говорит еще прежний,
заносчивый аристократ.
И то, что ты называешь
равнодушьем природы,
на самом деле — твоя
собственная апатия.

Д е С а д

Жалость, Марат,
есть привилегия правящих.
Когда, проявляя жалость,
богач бросает монету
в дырявую шляпу нищего,
он преисполнен сознанья
своего превосходства,
и ему доставляет сладострастную радость
возможность унизить другого
пинком своего подаянья.

Аккорд лютни.

Нет, друг Марат, не для нас
эти мелкие чувства.
Нам – то есть мне и тебе –
подобают лишь крайности.

М а р а т

Если уж говорить
о так называемых крайностях,
то мы понимаем под этим
совершенно различные вещи.
Я равнодушью природы
противопоставляю действие,
ищу сокровенный смысл
в великой ее немоте
и не могу, не хочу
быть простым созерцателем!
Я вступаю в борьбу
не на жизнь, а на смерть
со всем, что считаю неправильным,
и не жалею усилий,
чтоб изменить и улучшить
извечный порядок вещей!
Дело идет о том,
чтобы вытащить себя самого
из рутины,
подняться над собственной сутью,
глазами прозревшего разума
по-новому видя мир.

13. Литургия Марата

На сцене хор пациентов.

М а р а т

На протяженье веков
людям твердили о том,
что короли и тираны —
добрые наши отцы,
чьей неустанной заботе
о процветанье народа
мы обязаны всем.
Подкупленные поэты
слагали хвалебные гимны,
восторженно воспевая
их доблесть и милосердье.
С самого раннего детства
церковь и школа
вбивают в мозги человека
идеологию рабства.

Х о р
(сопровождая монолог Марата)

Будь, человече, смиренней овцы!
Монархи — добрые наши отцы!
Все мы — свидетели их добродетели.
Многая лета вам, наши радетели!

М а р ат

И люди заученно повторяли
идиотские тезисы,
а главное — верили в них,
как веришь всему,
что тебе ежедневно вбивают в башку.
И они слышали проповеди попов:
(В сопровождении хора.)
«Милосердие церкви в одинаковой мере
принадлежит богатым и бедным!
Мы не привязаны ни к одному из правительств,
ни к одному государству,
а только к народу, который
является единой семьей братьев!»
(Продолжает один.)
Вокруг торжествовала несправедливость,
народ изнывал под тяжестью
непомерного гнета,
а с церковных амвонов звучали
все те же бесстыжие проповеди.
(В сопровождении хора.)
«Терпите! Терпите!
На этой земле мы — лишь гости!
Послушанье и кротость
распахнут нам врата
светлое царство господне!..»
(Продолжает один.)
Так они выжимали
последний грош из народа,
умножая свои
награбленные богатства,
и целовались с князьями
на кутежах и попойках,
и говорили голодным:
(В сопровождении хора.)
«Страдайте!
Страдайте, как тот, на кресте!
Такова божья воля!..»

Пантомима. Пациенты и четверо певцов движутся к рампе. Они в шутовских костюмах, чем-то напоминающих облачения священников. Петух держит в руках крест, сколоченный из швабры и веника, и на веревке тащит за шею Козла. Медведь размахивает ведром, как кадилом. Соловей перебирает четки. Марат продолжает свой монолог.

А когда человеку постоянно внушают
одно и то же,
пусть самую явную глупость,
он начинает верить
в то, что ему твердят,
и ложь принимает за истину.
Так неимущие, полуголодные люди
стали довольствоваться
созерцаньем распятого на кресте,
израненного страдальца
и поклонялись ему, как символу
собственной беззащитности.
А попы говорили:

(В сопровождении хора и молитв сестер.)

«Воздымите длани к создателю
и не ропщите!
Прощая своих обидчиков,
вы обрящете вечную жизнь на том свете!
Да будет молитва
единственным вашим оружием!
Да воцарится в ваших сердцах
спасительное смиренье!»

(Продолжает один.)

И люди в своей темноте,
в своем незнании истины,
верили этим речам
и страшились восстать
против своих угнетателей,
правящих, как им сказали,
милостью божьей...

Хор

Аминь!

Кульмье

(услышав «аминь», вскакивает со своего кресла)

Господин де Сад,
я вынужден снова вмешаться
самым решительным образом!
Мы же договорились
об изъятии из пьесы
этого монолога!
Он абсолютно не к месту,
тем более в наши дни,
когда духовенство
полностью поддержало
нашего императора
и когда столь отчетливо
вновь проявилось стремленье народа

найти утешенье в религии.
Ни о каком угнетении
не может быть даже речи!

Саркастический смех в глубине сцены.

Напротив,
церковь сегодня
делает все для того,
чтобы покончить с нуждой
при помощи сбора одежды,
устройства бесплатных обедов
и покровительства клиникам.
В частности, наша лечебница
находится под опекой
не только светских властей,
но и духовных отцов.

Г л а ш а т а й
(высоко подняв посох)

Если случайно кто-то из зрителей
Нас счел за безбожников и возмутителей,
Мы вновь и вновь подчеркнуть обязаны,
что предыдущие сцены связаны
исключительно с преодоленным прошлым.
Все мы, порвав с богохульством пошлым,
В лоно Христово вернулись сегодня
И чтим бесконечную мудрость господню.
(Крестится.)

14. Досадное происшествие

На заднем плане пациент, нацепивший на шею брыжи священника, бьется в припадке и на коленях прыгает к рампе.

П а ц и е н т
(лепечет в припадке)

Молитесь,
молитесь,
молитесь ему!
Дьявол еси
в преисподней, а не на небеси,
ад наш насущный даждь нам днесь,
да святится имя твое,
да будет воля твоя,
да приидет царствие твое,
отпусти нам невиновность нашу,
избавь нас от добродетелей наших,
введи нас во искушение
во веки веков,
аминь!

Кульмье вскакивает со своего кресла. Свисток глашатая. Санитары набрасываются на пациента, связывают его и оттаскивают. Его ставят под холодный душ.

Г л а ш а т а й
(размахивает трещоткой)

Здесь, средь охваченных сумасшествием,
надо привыкнуть к таким происшествиям.
Напомню, что сей пациент когда-то
носил благороднейший сан аббата,
достойно служа в знаменитом храме.
Теперь убедиться вы можете сами,
глядя на странность его поведенья,
сколь неисповедимы пути провиденья.
(В заключение вновь взмахивает трещоткой.)

Кульмье садится. Пациенты возвращаются под наблюдением сестер и санитаров и растягиваются на лежаках.

15. Продолжение разговора между **Маратом и де Садом**

Д е С а д

Чтобы суметь отличить
истину от неправды,
нужно познать себя.
Я себя не познал,
и если порой мне кажется,
что я обнаружил истину,
я тотчас в ней сомневаюсь
и разрушаю собственное построенье.
Все, что мы делаем в жизни,
каждое наше действие –
есть лишь галлюцинация,
зыбкая тень того,
что нам хотелось бы делать.
Единственная реальность –
это изменчивость наших познаний.
Я, например, не знаю,
кто я: палач или жертва?
Я измышляю
самые жуткие пытки,
но стоит мне только
их изложить
на бумаге,
как я испытываю нестерпимую боль,
словно это меня
поджаривают на углях.
Я способен на все,
но именно все
наполняет меня чудовищным страхом...

П а ц и е н т

(быстро выпрыгивает вперед)

Человек –
это самый безумный,
самый жестокий,
самый опасный,
самый безжалостный зверь!
Я прожил на белом свете
несколько тысяч лет
и принимал участье,
наверно, в миллионах убийств!
Разбухла,
разбухла земля
от потрохов человеческих,
от гнойной, зловонной жижи.
Мы – те немногие,
Те очень немногие,
Кто остались в живых,
ходим по зыбкой трясине,
в которой завязли
бесчисленные покойники.
Повсюду, на каждом шагу
у нас под ногами — трупы,
пепел, истлевшие кости,
свалявшиеся волосы,
выбитые зубы,
проломленные черепа.
Человек обезумел!
Обезумевший зверь — человек!
Я – обезумевший зверь!

Де Сад подходит к нему и, успокаивая, отводит его в сторону.

(Продолжает кричать.)

Нет такой клетки,
в которой меня удержат!
Нет таких кандалов,
которых бы я не порвал!
Я прошибу все стены,
сломаю любые решетки!
Вы еще увидите,
Что будет со всеми вами,
когда я вырвусь на волю!
Дело еще не кончено!
Я кое-что приготовил...

М а р а т

О, этот зуд! Этот проклятый зуд...
Пламенем жжет
кожу мою

лихорадка!
Горит голова!
Ты слышишь, Симона?
Обмакни повязку в раствор!
Остуди мою голову!

Симона спешит ему на помощь и производит соответствующие манипуляции.

Д е С а д

Знаю, Марат:
ты сейчас готов променять всю свою славу
и обожанье народа
хотя бы на час передышки от мучительной
боли.
Вот ты лежишь в своей ванне,
скрючившись,
в розоватой водице,
один на один со своими идеями
и представлениями,
которые давно уже не соответствуют
тому, что творится вокруг.
Ты возмечтал вторгнуться,
вгрызться в действительность, -
но вот она вгрызлась в тебя,
и ты перед ней бессилен.
Лично я отошел
от всей этой суеты,
найдя себе утешение
в выдуманной мною самим
воображаемой жизни.
Вся эта революция
больше меня не волнует...

М а р а т

Нет, ты не прав. Не прав...
Разве бесстрастным рассудком
можно разрушить Бастилию?
Вялым пером летописца
свергнуть негодный порядок?
Это нелегкое дело –
сотворение нового!
Допущены тысячи промахов.
Нас еще тянет назад
груз неизжитого прошлого.
В каждом, в каждом из нас
еще продолжают гнездиться
усвоенные веками
нравы, привычки, предвзятости,
ядом столетий рабства
еще отравлена мысль.

Даже самые честные,
самые светлые головы
еще до конца не избавились
от мусора прежних времен.
Мы – творцы революций –
Сами порой не знаем,
как нам быть с нашим детищем!
В революционном Конвенте
все еще заседают
отдельные честолюбцы,
охваченные тщеславьем.
Каждый мечтает тайком
Что-то оставить от прошлого:
Один – дорогую картину,
другой — дорогую любовницу,
третий — любимую мельницу,
четвертый — любимую верфь,
пятый — старую армию,
шестой — своего короля!
Так утверждается вновь
Священное право собственности:
мол, каждый сам себе — крез,
каждый, если захочет,
может достичь богатства,
каждый имеет возможность
вступить в состязанье друг с другом,
в свободную конкуренцию
равноправных партнеров,
в биржевую игру,
где у каждого —
равные шансы на выигрыш!

Пациенты постепенно встают со своих лежаков, некоторые приближаются к рампе.
Четверо певцов готовятся к выходу.

И все они верят, что это
и есть настоящее братство,
настоящее равенство,
подлинная свобода!
Им в самом деле мерещится
небывалый расцвет
торговли, ремесел, промышленности!
И в то время, как мы
все дальше и дальше
отходим от нашей истинной цели,
они вот
(указывает на зрительный зал)
убеждены,
что революция
уже победила!

16. Реакция народа

Четверо певцов
(под музыку)

И откуда у них берутся деньги,
и откуда берется такая прыть,
и откуда берутся такие связи,
и откуда берутся такие возможности,
если у нас только — дыры?!

Медведь

Дыры — наше жилье.

Козел

Сиро наше житье.

Соловей

В дырах наша одежда.

Петух

Лопнула наша надежда!

Четверо певцов

Итак, новоявленные вельможи
очень на прежних вельмож похожи.
Новая сволочь, пролезшая в дамки,
позаграбастала земли и замки.
Золото, жемчуг, дворцовые вазы
хапнул вчерашний владелец лабаза.
Лавочник пьет королевские вина.
Корчит мясник из себя дворянина.
Зуд охватил депутатов Конвента:
не упустить бы такого момента!
Всех золотая трясет лихорадка.
Только народу живется несладко.
Деньги и власть у господ на уме.
Мы же, как встарь, пребываем в дерьме.
Что нам с того, что король обезглавлен,
если народ торгашами задавлен?!
Марат! Революцию нашу изгадили!
Марат! Мы с врагами пока что не сладили!
Марат! Мы, как прежде, живем в угнетении!
К чертовой матери долготерпение!

Резкий свисток глашатая.
Глашатай выходит, размахивая посохом. Музыка стихает.
Четверо певцов и хор отступают назад.

Г л а ш а т а й

Почтенные зрители, теперь вы видите сами,
Что значит толпа: просто хам на хаме.
Вообще всевозможные потрясенья и бури
происходят всегда от плебейской дури.
В эти трудные дни потерпеть бы малость.
А они все скулят, так и бьют на жалость.
Да что с них взять! Безмозглое стадо!
Ведь сейчас не скулить, а работать надо
и поддерживать тех, кто в новейшем духе
нас пытается вытащить из разрухи
и посредством спасительного единства
прекратить отвратительные бесчинства.
Что касается нас, то актерская братия
целиком за правительственные мероприятия,
которые всеобщим восторгом встречены,
ибо процветанье и счастье уже почти обеспечены.

17. Первый разговор между Корде и Дюпре

Дюпре и сестры выводят Шарлотту на авансцену. Они поддерживают ее под локти. Дюпре идет сзади, поддерживая ее со спины.

Г л а ш а т а й

(берет в руки свирель и издает несколько звуков)
Теперь, преисполнясь высокой морали,
автор велит, чтобы мы разыграли
сцену свиданья Дюпре и Шарлотты,
*(тревожно оглядывается по сторонам, с облегчением
кивает и указывает посохом на Корде)*
что мы и выполним не без охоты...

С помощью сестер Шарлотта выходит на игровую площадку. Дюпре — рядом с Шарлоттой. Сзади стоят сестры. Шарлотта и Дюпре церемонно здороваются друг с другом.

Шарлотта Корде в свои юные годы
видела лишь монастырские своды,
помещена в благородный приют
города Кана...
Именно тут
Дюпре ее выбрал себе в приятельницы
по настоянью самой настоятельницы.

Дюпре под шумок прижимается к Шарлотте и щупает ее.

(Обращаясь к Дюпре.)

Дюпре! Перестань! Не входи в роль!
Ты любишь ее платонически!

Глашатай посохом дает знак оркестру. Корде стоит с крытыми глазами, откинув назад голову. В музыке — тема Корде. Глашатай внимательно наблюдает за ней.

К о р д е
(стоит с закрытыми глазами)

Ах, дорогой мой Дюпре...
(Смутившись, умолкает, потом продолжает вновь, в стиле оперной арии.)
Ах, дорогой мой Дюпре,
что можем мы сделать с тобою,
чтоб отвратить это зло?..
(Открыв глаза.)
Всюду на улицах только и слышишь о том...
(Смущенно умолкает.)

Дюпре осторожно поглаживает ее по спине и по бедрам.

…только и слышишь о том,
что Марата объявят диктатором.
Сегодня он еще вынужден
лгать, что насилие
является временной мерой.
Но мы с тобой знаем,
что цель его состоит
в зверствах и беззаконии.
(Утомленно смолкает.)

Д ю п р е
(обнимая Шарлотту, говорит в стиле той же арии, но более пылко)

Ах, дорогая Шарлотта!
Вернись, о, вернись, умоляю,
к своим монастырским подружкам,
запрись в своей келье,
найди утешенье в молитве.
Разве в твоих это силах
справиться с дикой толпой?

Одна из сестер подходит к Дюпре и отдергивает его руку, которую он сует Шарлотте за пазуху. Корде остается в той же позе.

Ты говоришь о Марате.
Но кто он, этот Марат?
Какой-нибудь выскочка,
какой-нибудь корсиканец...

Глашатай тревожно звонит в колокольчик.

Прошу прощенья — сардинец,
А может быть, даже — еврей.
Кто на него вообще

обращает вниманье?
Скопище уличной черни!
Нет, дорогая,
Марат для нас не опасен.
(Снова в любовном порыве обнимает Корде за бедра.)

Между тем четверо певцов дурачатся, играют в карты, показывают друг другу карточные фокусы.

К о р д е

Милый Дюпре, — понимаю:
ты хочешь меня испытать,
но я уже знаю, что делать...
(Пытается высвободиться из объятий Дюпре.)

Обе сестры хватают Дюпре за руки.

Д ю п р е
(страстно, в прежнем стиле арии)
Ах, дорогая Шарлотта,
я жажду остаться с тобой!
(Падает перед ней на колени и обхватывает ее ноги.)

К о р д е

Нет! Ты должен сейчас же,
немедленно
отправиться в Кан
к Барбару и Бюзо!
Слышишь?
Сейчас же беги!
Вечером будет поздно!

Д ю п р е

Как я могу покинуть
город,
в котором находишься ты
моя дорогая?
Я остаюсь в Париже...
(Забывшись, бросается на Корде и сжимает ее в объятиях.)

Глашатай бьет посохом, затем стучит об пол.

Г л а ш а т а й
(суфлирует)

И для чего мне бежать...

Д ю п р е

И для чего мне бежать,

если все это
продлится недолго...
(Страстно ласкает Корде.)
Уже англичане штурмуют
Дюнкерк и Тулон.
Пруссаки...

Г л а ш а т а й
(поправляет)

Испанцы!

Д ю п р е
(испуганно)
Испанцы?!
Прошу прощенья — испанцы
заняли Руссильон.
Париж…

Г л а ш а т а й
(поправляет)
Майнц!

Д ю п р е

Извините — Майнц
окружили пруссаки,
Валансьен и Конде — англичане...

Г л а ш а т а й

Австрийцы!

Д ю п р е

Извините —австрийцы,
восстала Вандея!
(С воодушевлением, все крепче обнимая Шарлотту.)
Нет! Долго они не продержатся,
эти ничтожные выскочки,
эти тупые фанатики,
лишенные какой бы то ни было
нравственности и культуры!
Все, дорогая Шарлотта!
Кончено! Я — остаюсь!
*(Еще крепче обхватывает ноги Шарлотты
и прижимается головой к ее коленям.)*
Скоро, поверь мне,
настанет
тот долгожданный час,
когда мы снова сможем

радостно произнести-и-и-и
заветное слово: «Сво-о-о-б-о-да!»
(Пускает «петуха».)

Дюпре встает, не выпуская Корде из объятий, и пытается поцеловать ее. Корде отбивается. Сестры спешат ей на помощь, грубо отталкивают Дюпре и ведут Шарлотту к ее скамейке.
Музыка смолкает.

18. Де Сад плюет на все нации

Де Сад
(со своего места, обращаясь к Марату)

Слышишь, Марат,
как все они пекутся
о спасении Франции?
Каждый из них считает,
что именно он — патриот,
и кто как умеет,
с пафосом или без пафоса,
кричит, что готов
погибнуть во славу Франции!
В общем, и тем и другим
угодно отведать крови...
(Встает.)

Мы именуем Высшею Справедливостью
смертные приговоры
и отсеченье голов,
в то время как наши противники
лелеют мечту о том,
что распри и разногласия
среди вождей революции
приведут ее к гибели,
и уже видят тот день,
когда проберутся к власти
сиятельные господа,
которые вступят в сношенья
со всеми князьями Европы
и восстановят порядок.
Что ж! И Гора, и Жиронда
верят в величие Франции.
Но разве, Марат, ты не видишь
неимоверную глупость
всех этих излияний,
всю бесконечную пошлость
патриотических фраз?
Эх, дорогой Марат!
Как мне осточертела
эта белиберда!
Я не хочу быть героем!
Плевать я хотел на Францию

И на все прочие нации!
И вообще — на все!

Кто-то из актеров громко плюется.
Общая сумятица.

К у л ь м ь е
(угрожающе подняв палец, перебивает де Сада)

Я попросил бы...

П а ц и е н т
(сзади)

Да здравствует Наполеон!
Да здравствует Франция!

На заднем плане пронзительный хохот.

М е д в е д ь
(сзади)

Да здравствуют все короли,
князья, императоры, папы!

На сцене возникает беспокойство.

К о з е л
(сзади)

Да здравствуют диета и клизма!

Хохот.

С о л о в е й

Да здравствует Марат!

Ж а к Р у

Да здравствует революция!

Д е С а д
(перекрывая шум)

Лозунги очень быстро
завладеют массой,
втягивают их в свой круг...

Один из пациентов начинает со страшной скоростью бегать по кругу, за ним — второй и третий.
За ними гонятся санитары.

Но я плюю
на движенья взбудораженных масс!

Сзади опять кто-то громко сплевывает.

Мне глубоко начхать...

Кто-то чихает, общий хохот.

...на все благие порывы,
которые гаснут,
загнанные в безысходные тупики.
Мне наплевать
на все жертвы,
принесенные –
неважно ради чего...
Я верю только в себя!

М а р а т
(пылко, обращаясь к де Саду)

А я продолжаю верить
в священное дело,
которое ты предаешь!
Мы свергли кровавую власть
разжиревших разбойников.
Многих мы обезвредили,
правда, иным удалось
увильнуть от расплаты,
но, к сожаленью, не в этом –
главная наша беда!
С прискорбием я наблюдаю,
как многие люди сегодня сами
не прочь сесть народу на шею,
рвутся к богатству и к роскоши,
так что порою кажется,
что революция
произошла
в интересах лавочников и торгашей!
Буржуазия стала
новым правящим классом,
четвертое же сословье,
как прежде,
осталось ни с чем.

19. Жак Ру агитирует

Ж а к Р у
(на заднем плане, вскочив на скамейку)

К оружию, граждане!
Боритесь за ваши права!
Если сегодня
вы не возьмете того,
что принадлежит вам по праву,
вы можете ждать хоть сто лет
и ничего не добьетесь!

Пациенты, встав с лежаков, приближаются к оратору.

Они преисполнены к вам
презрительного высокомерья:
еще бы!
Ведь вы не учились даже читать и писать!
Кто мог позволить себе подобную роскошь?
Они вас используют
в качестве чернорабочих своей революции,
с брезгливостью отворачивая
чувствительные носы:
вы пахнете слишком дурно!
Вы провоняли потом!
Вам надо держаться подальше,
где-нибудь в стороне,
не раздражая их
своим неприятным запахом
и неопрятной одеждой.
При этом они не прочь,
чтоб вы, находясь
на самой черной работе
и пребывая в невежестве,
способствовали расцвету
просвещенного века,
который вам лично не даст
ничего, кроме бедности,
кроме все той же
изнурительной, черной работы!
А между тем их поэты
будут слагать стишки
о наступленье эпохи
разума и справедливости,
а живописцы напишут
величественные полотна,
изображая колбасников
в виде античных героев!
Плюньте им в рожу!
Не поддавайтесь их лжи!
Покажите им, что вас – много!

Две сестры сзади подходят к Жаку Ру и стаскивают его со скамьи.

К у л ь м ь е
(вскакивая со своего кресла)

И мы должны здесь все это выслушивать?!
Мы — граждане нового века,
стремящиеся к процветанию?!

Ж е н а К у л ь м ь е

Уймите его!
Это — невыносимо!
Он просто клевещет!

Г л а ш а т а й
(пронзительно свистнув)

Этот смутьян, из вчерашних священников,
видит в достойнейших людях — мошенников!
Мусорный ящик приняв за амвон,
уличный сброд агитирует он!
Надо с прискорбьем отметить, что многие
сделались жертвой его демагогии:
дескать, мы требуем рая земного
и не хотим никакого иного!..
Слушать противно подобную дичь!
Можно ли рая земного достичь?!
Впрочем, наверное, сам он не ведает,
что это значит... А вот — проповедует!
Тоже мне, новый нашелся пророк:
всюду, мол, царствуют зло и порок:
мы, мол, как прежде, бесправные парии,
но не смущайтесь, друзья-пролетарии,
вскоре расправимся мы с нищетой,
ибо пришел настоящий святой,
тот, кто Христа нам заменит распятого!
(Указывает на Марата.)
Смело вставайте под знамя Маратово!

Кульмье, удовлетворенно кивнув, снова садится в кресло.
Пациентов оттаскивают назад.

Д е С а д

Эх, бедняга Марат!
Мир для тебя ограничен
стенками этой ванны,
в которой ты сидишь,
весь исцарапанный,
покрытый коростой.
Неужто ты все еще веришь

в возможность такой справедливости,
при которой власть
действительно будет в руках большинства?
Разве можно достичь
настоящего равенства?
Сегодня, клеймя одного,
вы у него изымаете
деньги или имущество,
чтоб передать это в руки многих,
которые, приобретя таким образом
чужое богатство,
сами начнут богатеть,
начнут наживаться,
точно так же, как их предшественники,
а когда наступит
гигантский застой производства,
миллионы лишатся куска насущного хлеба...
Да и вообще, скажи,
Можно ли верить в то,
что самые разные люди
в равной мере способны работать для общего блага?
Что существует естественное равенство между людьми?
Как там поется в песне?..

(Продолжает в сопровождении лютни и пантомимы.)

Четверо певцов символически изображают, что в мире все продается и все покупается.

Один известен, как лучший пирожник,
другой — парикмахер, потрясший мир,
третий — самый великий сапожник,
четвертый — прославленнейший ювелир,
пятый — гениальнейший мастер-обойщик,
шестой — знаменитейший женский врач,
седьмой — удивительнейший закройщик,
восьмой — замечательнейший палач,
девятый — бесподобно играет в шашки,
десятый — пламеннейший трибун-златоуст,
у одиннадцатой — лучшие в мире ляжки,
у двенадцатой — самый высокий бюст.

Пауза.

Неужто ты думаешь их осчастливить,
уткнув их носом в постылое равенство?!
Неужто ты все еще веришь в возможность прогресса,
если каждый станет лишь малым звеном
в великой цепи?
Неужто ты все еще веришь в единенье людей?
Даже те немногие,
кто были когда-то готовы
погибнуть во имя общности,
давным-давно отказавшись

от этой мертвой идеи,
вцепились друг другу в глотку,
смертельными став врагами
из-за ничтожнейших пустяков.

М а р а т
(выпрямляется)

Нет, речь не о пустяках!
Дело идет о главном.
Революция избавляется
от малодушных попутчиков!..
Мы должны взорвать
самый фундамент рабства,
и пусть этот взрыв устрашит
своей чрезмерной жестокостью
зажравшихся моралистов
в их сытом самодовольстве!
Послушай!..
Ты только послушай,
как проникает сквозь щели
подленький их шепоток...
Смотри,
как они притаились,
как ждут
той минуты,
когда настанет их срок...

Ч е т в е р о п е в ц о в
(говорят по одному в сопровождении музыки)

В чем дело?! Не пойму-с!
Я самый лояльный француз.
Поверьте, я «за», а не «против»,
«не против», вовсе напротив.
Да кто тут чего разберет!
Сказали, что кончился гнет,
Сказали, что с казнью Капета
настала эпоха расцвета.
Ну, что же: расцвет так расцвет.
Монарха давно уже нет.
Смотались попы и монахи.
Князья и бароны — во прахе,
Марат стал народным вождем...
Чего же мы, собственно, ждем?!

20. Жак Ру вторично агитирует

Ж а к Р у
(вырвавшись вперед)

Мы требуем
открыть амбары
и раздать хлеб голодающим!
Мы требуем передачи
всех фабрик и мастерских
в руки народа!

Пациенты и певцы выходят на авансцену и окружают Жака Ру.

Мы требуем, чтобы в церквах
были устроены школы,
с тем чтобы церковь могла наконец
приносить хоть какую-то пользу!

Кульмье размахивает руками, пытаясь что-то сказать.

Мы требуем немедленного прекращенья
кровопролитной войны,
которая служит вздуванию цен
и разжигает преступную жажду захватов!

Кульмье сбегает с трибуны и устремляется к де Саду, что-то ему говорит, но де Сад не реагирует.

Мы требуем, чтобы расходы
на подлую эту войну
полностью несли
те, кто ее развязали!
Отныне и навсегда
должны быть развеяны басни
о «великой войне» и о «доблестной армии»!
Все это ложь!
Доблесть! Бранная слава!
Ни с той, ни с другой стороны
нет и намека на доблесть,
нет никаких героев –
а только серые массы
запуганных насмерть солдат,
которые хотят одного и того же:
мира,
чтоб не лежать зарытыми в землю,
а ходить по земле,
причем на своих ногах,
а не на деревянных култышках!

К у л ь м ь е
(прерывая)

Это пахнет предательством!

Ж е н а К у л ь м ь е

Нам нужна наша армия!

К у л ь м ь е
(резко обращаясь к де Саду)

Вся эта сцена была изъята из пьесы!

Д е С а д
(восклицает, не обращая на Кульмье ни малейшего внимания)

Браво, Жак Ру!
Я недаром
велел на тебя напялить одежду священника!
Нынче — пора мимикрии.
Сегодня важнее всего
умение вовремя скрыться,
умение вовремя вынырнуть
и вовремя спрятаться вновь!..
Обличье монаха, Жак Ру, -
отличная маскировка!

Две сестры, справившись наконец с Жаком Ру, оттаскивают его в сторону.
Дюпре использует возникшее на сцене замешательство, чтобы прижаться к Шарлотте. Она по-прежнему безучастно лежит на скамье.
Пациенты встревоженно выступают вперед.

Ж а к Р у
(в то время, как его привязывают к скамье)

Марат!
Твое время пришло!
Марат, покажись!
Они тебя ждут!
Пусть революция грянет
мгновенным ударом
всеразрушающей молнии!
Пусть надо всеми вспыхнет
ее ослепительный свет!
(Вскакивает с привязанной к спине скамейкой.)

Его силой укладывают. Пациентов оттесняют назад.

21. Самоистязание маркиза де Сада

Д е С а д
(медленно подходит к авансцене, не обращая внимания на общий шум)

Марат!
Ты им нужен!
На день? На час? — Не знаю...
Сегодня они хотят
превратить тебя в мученика,
чтоб ты за них пострадал.
И они поместят в Пантеон
урну с твоим прахом,
а завтра — они же –
в куски разобьют эту урну.
А потом пройдут годы,
и люди изредка
будут друг друга спрашивать:
«Скажи, ты не помнишь,
кто такой был — Марат?..»
Ну, а теперь послушай,
что я думаю о революции,
которую, можно сказать,
сам я когда-то накликал...

Шум на сцене смолкает.

Тогда,
еще сидя в Бастилии,
я набросал свои тезисы.
Я вытолкнул их из себя,
истязаемый ненавистью
к самому себе,
к ограниченности собственной мысли.
Там, в тишине заточенья,
всплывали передо мной
образы этих чудовищ,
представителей обреченного класса,
чья власть мерещилась мне
в виде дурного спектакля,
где происходит глумленье
над человеческой плотью.
До мельчайших деталей
я восстанавливал
весь этот механизм насилий и пыток
и в то же время
в себе самом находил
жестокость и злобу.
Я выступал не столько
против тогдашних властителей,

уже обреченных историей,
готовых в нервном отчаянье
увлечь за собой в могилу
весь французский народ, -
сколько против себя самого!
В этом мире преступников
я из своей души
выкапывал зерна преступности,
их скрупулезно исследовал,
желая тем самым
постичь существо эпохи,
в которую я живу.
Я сам был пропитан насквозь
подлостью и злодейством,
которыми я наделял
придуманных мной великанов,
и потому был готов,
чтобы меня самого
скрутили и «обработали».
И я намерен теперь
подвергнуться истязаньям
вот этой самой красотки, -
(указывает на Корде, которую выводят на авансцену)
которая здесь стоит
с плетью, зажатой в руке,
чтобы и я получил
заслуженное возмездье,
в то время как я с тобой
разглагольствую о революции.

Сестры ведут Шарлотту Корде на авансцену. Де Сад протягивает Шарлотте плетку, снимает с себя рубашку и подставляет ей спину, продолжая стоять лицом к зрителям.
Шарлотта стоит позади. Пациенты медленно приближаются. Дамы Кульмье на трибуне в нетерпении вытягивают шеи.

Сначала я в революции
видел возможность
великого отмщенья,
священную оргию мести,
которая превосходит
самые жуткие сны.

Корде медленно замахивается и опускает плеть на спину де Сада.
Де Сад корчится от боли.

Ну, а потом,
когда я стал заседать в трибуналах...

Удар плетью. Де Сад хрипит.

...не в качестве подсудимого,
как это было прежде,
но в грозной роли судьи, —

я понял, что не могу
людей приговаривать к смерти...

Удар плетью.

Я делал все для того, чтоб их выручить:
пытался одних оправдать,
другим — смягчить наказание...
Я видел, что не способен к убийству...

Удар плетью. Де Сад астматически стонет.

...хотя это было,
пожалуй, последней возможностью
проявить свое «я».
Но теперь...

Удар плетью. Стон.

...меня воротит
от этой возможности.

Корде, запыхавшись, опускает плоть.

Так что сегодня, Марат...

Удар плетью. Де Сад задыхается.

Я вижу, к чему ведет твоя революция...

Выбившись из сил, Корде опускает плеть. Обе сестры подходят к ней и отталкивают назад. Она повинуется, волоча за собой плеть.

(Не вставая с колен, продолжает.)

Она ведет к обезличиванию
отдельного человека,
к утрате возможности
самостоятельно мыслить,
к пагубной беззащитности
перед лицом государства,
которое, будучи
бесконечно далеким
от нужд и забот человека,
становится недоступным
для чьей-либо критики.
Вот почему я
навсегда отошел
от идей революции,
замкнулся в самом себе.
Отныне я не хочу
никому подчиняться!
II если действительно

я осужден на гибель,
я все же еще надеюсь
кое-что сохранить —
хотя бы свою независимость!
Отныне я — лишь наблюдатель.
Я навсегда решил
наблюдать и не вмешиваться
во что бы то ни было,
видеть
и, размышляя над виденным,
уйти навсегда в тишину.
(Задыхаясь, умолкает.)

В глубине сцены молитвенные песнопения.

И пусть, когда я исчезну,
от меня на земле не останется
даже следа... Тем лучше!
*(Берет в руки, рубашку, медленно надевает ее
и под молитвенные песнопения возвращается
к своему стулу.)*

22. «Бедный Марат, ты гоним я оплеван...»

М а р а т
(скрючившись и наклонившись вперед)

Симона, Симона!
(Смотрит невидящим взглядом.)
Отчего вдруг так стало томно?
Смени мне повязку!
Укрой меня теплым платком!
Сам не пойму — холодно мне или жарко...

Симона, склонившись над Маратом, стоит, готовая выполнить любое его приказание. Она кладет руку Марату на лоб, меняет ему повязку и простыню, обмахивает платком.

Симона,
сходи, позови рассыльного Басса!
Я продиктую ему
свое воззвание к нации!

Симона в отчаянии трясет головой и рукой зажимает свой рот.

Симона, где мои записи?
Я их только что видел!
Отчего так темно?!

Симона подвигает ему доску, на которой лежат бумаги.

С и м о н а
Да вот они здесь, твои записи!
Не волнуйся, Жан-Поль!..

М а р а т

Где перо? Где чернила?

С и м о н а
(указывает на перо и чернильницу)

Да вот же твое перо,
а вот и чернильница.
Все на обычном месте.
Это, наверно, от облака
сделалось так темно
или от дыма:
сейчас там сжигают трупы.

Музыка подчеркивает ее слова. Четверо певцов выходят вперед.

Ч е т в е р о п е в ц о в
(поют)

Бедный Марат, ты гоним и оплеван,
Номер газеты твоей конфискован.
Покуда ты пишешь свой манифест,
снова тебе угрожает арест!
Бедный Марат, при чадящей лампаде!
Передохни! Оторвись от тетради.
Мы тебе верим, и ты нам поверь:
дом твой обложен ищейками. В дверь
скоро ударит приклад альгвазила.
Ну, а за этим — тюрьма и могила...

Х о р и ч е т в е р о п е в ц о в

Марат! Революцию нашу изгадили!
Марат! Мы с врагами своими не сладили!
Марат! Мы, как прежде, живем в угнетении!
К чертовой матери долготерпение!

Музыкальный финал.

23. Второй разговор между Шарлоттой Корде и Дюпре

Сестры и Дюпре готовят Шарлотту к выходу. Общими усилиями они ставят ее на ноги. Сестры приводит в порядок ее платье и надевают на нее шляпу. Глашатай выходит вперед и трижды стучит посохом об пол.

Г л а ш а т а й
(издав на свирели несколько звуков)

Да... Происходят ужасные вещи...
Только не все так темно и зловеще:
в мире не только страданье и кровь,
но и добро, красота и любовь.

В мире не только миллионы казненных,
но и миллионы счастливых влюбленных,
в мире – не только разбой и пожар,
но и веселье гуляющих пар.
Тик что давайте, забыв про пожары,
взглянем на эту влюбленную пару.

Сестры выводят Корде на авансцену. Дюпре обнимает Шарлотту за талию.

(Посохом указывает на них.)
Видите — с пышной прической девица...
(Указывает.)
Очень изящна... Чуть-чуть бледнолица...
(Указывает.)
Глазки слезинками увлажнены...
(Указывает.)
Губки, что твой лепесточек, нежны...
(Укалывает.)
Ротик ее улыбается сладко...
(Указывает.)
Словом — типичная аристократка...
Ну, а скажите, чем плох ухажер?
(Указывает на Дюпре.)

Дюпре поднимает ногу Шарлотты и целует ей туфлю, затем осыпает поцелуями ногу. Корде отталкивает его.

Сдержанность жестов... Потупленный взор...

Шарлотта резко отталкивает Дюпре. Потеряв равновесие, он падает, неуклюже шлепнувшись задом об пол, но тут же поднимается и встает в комическую позу влюбленного. Корде презрительно отворачивается.

Правда, сегодня он несколько мрачен,
ибо безумною страстью охвачен.
(Касается посохом его груди.)
Ладно... Пускай поворкуют, как голуби.
Время придет, и отрубят им головы.
Вслед за невестой пойдет и жених...
Ну, а покамест послушаем их.

В музыке — тема Корде. Шарлотта, забыв текст, ждет сказки.

(Суфлирует.)
О, золотая пора...

Ко р д е
(в стиле арии)
О, золотая пора, — ты настанешь!
Человек будет жить в согласье
с самим собой
и с себе подобными...

Дюпре осыпает ее руки и плечи поцелуями.

Д ю п р е
(гладя ее волосы, поет в стиле арии)

О, я верую твердо:
на земле воцарится
справедливый общественный отрой,
при котором
человек сможет пользоваться
ин-ди-ви-ду-аль-ной сво-бо-до-ой,
(снова тянет руку к Шарлотте, та отбивается)
любя своего ближнего,
как самого себя.
(Пытается поцеловать Корде в губы, она увертывается.)

К о р д е
(поет)

В этом обществе равенство
будет означать
равное право для каждого
действовать по своему усмотре-е-е-ни-ю-ю!

Д ю п р е
(сладострастно прижавшись к Шарлотте;
Глашатай подпевает ему)

Я уповаю,
я верую,
что различие между людьми,
созданное природой...

Корде отпрянула назад и вырвалась из его рук.
Дюпре скачет за ней, продолжая свою арию.

...будет уравнено
высшим установленьем,
так что...
(почти бездыханно)
так что...

Одна из сестер возвращает Корде на авансцену и ставит в героическую позу.

...при всем различии в психике
и в физи-и-чес-ких ка-а-а-чествах
люди придут к единству
и к общественному согласью...
(Облегченно вздыхает и, подобно Шарлотте,
становится в соответствующую позу,
таи что финал выглядит вполне пристойно.)

24. Эта ходячая ложь...

Марат выпрямляется. Сестры уводят Шарлотту. Дюпре следует за ней.

М а р а т

Эта ходячая ложь
об идеальном обществе!
Неужто и в самом деле
богач добровольно
откажется от богатства?
Если сегодня
воздействие обстоятельств
заставляет имущих
идти на иные уступки,
то здесь в основе
тот же корыстный расчет:
отделаться жалким грошиком,
чтоб сохранить миллионы!
Кругом, например, говорят
о предстоящем увеличении
наработка рабочих.
В чем же тут дело?

Несколько пациентов поднимаются со своих мест и, прислушиваясь, медленно приближаются к середине сцены.

А в том,
что, повышая заработок,
предприниматель рассчитывает
удвоить, утроить выработку
и тем самым
удвоить, утроить своп доходы.
Нет, не надейтесь, друзья,
что вы достигнете цели
без применения силы!

Корде, вытянувшись, лежит на эстраде. Дюпре склоняется над ней.

Не поддавайтесь обману!
Если им даже удастся,
задушив революцию,
добиться подъема хозяйства
и вам покажется,
что вы стали жить лучше,
потому что нужду
искусно замаскируют,
добавив немного денег
к вашему жалованью,
так что вы сможете даже
позволить себе купить
кое-какой товарец,
и вы начнете верить,

что благосостояние
уже у ваших дверей, —
знайте, что вас
по-прежнему надувают
опытные обманщики,
те, кто богаче
в тысячу раз, чем вы...

Пациенты и четверо певцов медленно приближаются к авансцене.

Не верьте своим хозяевам,
когда они вас начнут
похлопывать по плечу
и внушать вам,
что больше нет никаких оснований
для классовой розни.

Кульмье беспокойно оглядывается по сторонам.

Если вы им поверите,
тогда их господство над вами
станет уже абсолютным
и навсегда утвердится
их разбойничья власть.
(Обращаясь к публике.)
Засев в своих крепостях
новейшего образца
из стали, стекла и мрамора,
они развяжут всемирный грабеж,
всемирную бойню
под лозунгом распространения культуры,
спасения цивилизации...

Кульмье, сойдя с трибуны, потешно направляется к де Саду
и что-то шепчет ему. Де Сад не реагирует.

И если им будет нужно,
они вас швырнут в мясорубку,
и пламя войны,
чтоб вы защищали
кучку презренных преступников!

Де Сад встает со своего стула и успокаивает Кульмье.

С каждым днем, с каждым часом
подкупленная наука
будет совершенствовать
орудия смертоубийства,
которые уничтожат
миллионные массы людей.

Г л а ш а т а й
(свистнув)

Спешим объяснить, что вся эта речь
приведена здесь, чтоб поразвлечь
тех представителей нашей публики,
кто помнит страхи времен республики,
и каждое слово, что здесь произносится,
конечно, никак к нашим дням не относится.

25. Второй приход Шарлотты Корде

Г л а ш а т а й

Второй приход Шарлотты Корде!
(Указывает на Корде.)

Сестры прихорашивают ее и выводят на авансцену. Кульмье, успокоившись, возвращается на свое место. Корде заносит руку, как бы готовясь постучать в дверь. За ее спиной стоят сестры, чтобы в случае необходимости подхватить ее. Глашатай посохом дает знак Корде, и она жестом изображает стук в дверь, в то время как Глашатай стучит посохом об пол.

К о р д е
(тихо)

Я пришла
вручить это письмо,
(вынимает письмо из-под платка)
в котором снова прошу,
чтобы меня допустили к Марату.
Я очень несчастна,
и этого достаточно,
чтобы я имела право
просить Марата о помощи...

Корде протягивает Симоне письмо. Симона в крайнем волнении делает шаг навстречу Корде, затем возвращается к ванне и снова меняет Марату повязку.

(Громко повторяет.)
Я вправе просить гражданина Марата о помощи...

Он делает решительный жест. Симона нервно вздрагивает, мечется, потом подходит к Шарлотте и вырывает у нее из рук письмо.

М а р а т

Кто там, Симона?

Симона снова мечется между Корде и Маратом.

Г л а ш а т а й
(суфлирует)

Девушка из Кана с каким-то письмом,
Просительница...

Корде стоит, сникнув. Дюпре подходит к ней сзади и обнимает ее. Подбегают обе сестры и уводят Корде на ее скамью.

С и м о н а
(сбивчиво и злобно)

Я не впущу никого!
Они приносит нам только несчастья
со своими ахами, охами,
обидами и болячками,
будто тебе и впрямь
нечего больше делать,
как быть их врачом, адвокатом и исповедником,
лечить их от насморка или запора
и разрешать их семейные ссоры...

Симона рвет письмо в клочки и обрывки прячет себе в фартук. Потом подходит к ванне и укрывает Марата простыней. Музыка принимает трагическое звучание.

Ч е т в е р о п е в ц о в
(становятся в позу)

Бедный Марат! Пересиль свои муки!
Даром ты, что ль, изучил все науки?
Может с болезнью расправиться вмиг
тот, кто, как ты, медицину постиг!
В физике ты разбираешься тоже, —
значит, исчезнут прыщи с твоей кожи!
Знаем: в ушах твоих — грохот и шум,
только по-прежнему ясен твой ум,
трезво осмысливший мироустройство.
Так что зачем проявлять беспокойство?
Лучше прочисть нам, беднягам, мозги.
Мы как слепые. Не видим ни зги.
Выведи нас на прямую дорогу
и просвети нас хотя бы немного!

В музыке нарастает трагический грохот. Марата всего лихорадит. Симона щупает рукой его лоб, обмахивает его платком и снова меняет ему повязку.

26. Марату мерещатся призраки

Вся сцена дрожит и грохочет. Пантомима: везут телегу, в нее впряжены мужчина и женщина, изображающие родителей Марата. Сидящие в телеге олицетворяют представителей народа, армии, церкви и буржуа-нуворишей. Все сидящие в телеге увешаны орденами и примитивными знаками отличия. Их костюмы крайне гротескны.

М а р а т
(встает в ванне во весь *рост)*

Смотрите! Вот они! Вот они!
Попы, генералы,

министры, усыпанные звездами,
титулованные фальшивомонетчики,
правительственные прохвосты.
Я нижу их приближение!
Смотрите! Они уже рядом!
Смотрите!
Не позже, чем завтра,
они возьмутся за дело,
за создание новой,
великой Франции,
настолько великой,
что вы
будете ползать в ничтожестве
перед этим величьем!
Вот они — здесь.
Я их вижу...

Звуки грозы нарастают.

Г л а ш а т а й
(стучит посолом об пол)

Покамест он черт-те что несет,
(указывает на Марата)
Послушаем этих почтенных господ.
(Указывает на участников пантомимы.)

Приближается актер, изображающий учителя.

Вот школьный учитель, который когда-то
школе учил молодого Марата.
(Указывает на учителя.)

У ч и т е л ь
(поет фистулой)

Еще ма-ма-льчишкой этот Ма-арат
друг с другом стравливал груп-пы реб-бят,
де-де-ревянными бились они меча-чами,
бежала кровь из но-носов ручьями.

Сзади слышатся крики.

А если кто... кто попадался в пле-плен,
то должен был, не... не... вставая с колен,
подвергаться в течение це-целого ча-часа
насилью со стороны победившего кла-класса.

Г л а ш а т а й
*(указывает на женщину, изображающую
мать Марата)*

А теперь позвольте на сцену нашу
пригласить к Марату его мамашу,

и, поскольку она его нам родила,
пусть расскажет нам про его дела.

М а т ь
(поет дребезжащим голосом)

Еще в возрасте грудного младенца
Такие выкидывал он коленца!
Да и потом — не бывало дня,
чтоб обходилось бы без ремня.
То он есть не хочет, то спать не ляжет,
то сутки слова тебе не скажет,
ни в чем родителям не уступит,
бывало, отец его розгами лупит...
(Пронзительно хохочет.)

Из глубины сцены раздается смех и слышатся удары розог.

...в чулан запрет... А ему — начхать
на всех, в том числе на родную мать.
(Снова хохочет.)

О т е ц
(выпрыгивает вперед, говорит прерывистым голосом)
Нет, он, действительно, с самых пеленок
был сущий дьявол, а не ребенок.
Случалось — двинешь его по зубам,
он тут же в ответ тебе двинет сам.
Укусишь его — он тебя укусит,
петлей припугнешь — все равно не струсит,
а неподвижно уляжется на пол...
Уж я и щипал его, и царапал, —
ни розгой его не проймешь, ни пинком...
Таким вот нас бог наградил сынком.
(Разражается раскатистым смехом.)

М а р а т
Да,
теперь я вас узнал наконец,
ненавистная мать, ненавистный отец!

Родители приседают на корточки. Их все еще трясет смех. Они раскачиваются, как если бы сидели в лодке.

Запомнил я ваши розги и плетки...
Но отчего вы плывете в лодке?
Какая волна вас качает всех?
И что означает ваш жуткий смех?

Родители сидят, раскачиваясь. Их смех постепенно смолкает.

С и м о н а
(подходит к ванне)

Жан-Поль,
тебя всего лихорадит,
Перестань сейчас же работать!
Ты погибнешь, Жан-Поль!
Отдохни!

М а р а т

Нет, это не лихорадка,
Симона.
Я их узнал.
Всех…
Всех…

У ч и т е л ь
(выскакивает вперед)

Это-от хва-а-а-стунишка! Этот пахал!
В пять лет, сопляком,
он уже орал:
«Я-я-я-я-я-я
знаю бо-больше,
чем все, вместе взятые, учителя!»
А когда ему пят-пят-пятнадцать
стукнуло лет,
он кри-кри-кри-чал:
«Я ум-умнее,
чем це-целый уни-универси-си-тет!»
А в двадцать
визжал он в пылу по-полемики:
Я ге-гениальней,
чем все ака-ака-ака-академики!»
Так он
во-вопил н то-топал ногами.
И все, что я з-з-здесь го-го-говорю,
такая же пра-правда,
как то, что я-я
стою перед ва-вами.
(Размахивает тростью.)

М а р ат

Симона,
где мои старые рукописи:
«Приключения графа Потовского»,
«Польские письма»,
«Цепи рабства»?..

С и м о н а
(машет рукой)

Оставь! Оставь!
Тебе нельзя напрягаться!

М а р а т
(поднимается)

Слышишь?
Найди мои рукописи!
Неси их сюда!
Сию же минуту!

У ч и т е л ь

Пи-писания плагиатора!
Набор украденных мыслей!
Пу-пустые тирады...

П р е д с т а в и т е л ь а р м и и

Одна книга издана под именем графа,
другая под именем принца.
Разве не ясно,
что это — шарлатан и авантюрист,
стремившийся пробраться в высшее общество,
который, потерпев неудачу,
себя объявил борцом
против тех,
перед кем он сам пресмыкался?

П р е д с т а в и т е л ь н а у к и

А что он выделывал в Англии,
этот пройдоха Марат?
Разве он не был лондонским денди,
представителем золотой молодежи,
который с позором бежал,
уличенный в мошенничестве,
воровстве и растрате?!
Правда, потом он снова
смог втереться в доверие
к некоторым знатным семействам,
став, например, лейбмедиком
графа д'Артуа, брата Людовика,
или я ошибаюсь,
и он был всего-навсего бедным,
безвестным ветеринаром,
и это не он, не Марат,
а кто-то другой драл со своих пациентов
по тридцать шесть ливров

за пустяковый визит
и пользовался при этом
исключительным расположением
знатных особ
дамского пола?!

Жена и дочь Кульмье аплодируют.

Но когда эти дамы
вдруг обнаружили,
что их гениальный целитель
простой коновал,
а его необыкновенные лекарства
состоят из воды и меда, —
они приказали слугам
вышвырнуть его вон,
и тогда,
очутившись на улице,
оплеванный и опозоренный,
он принялся орать:

Крики из глубины сцены.

«Собственность — кража!
Долой тиранов!»

Призыв подхвачен в глубине сцены. Появляется фигура в маске, напоминающей лицо Вольтера.

Г л а ш а т а й
(указывает посохом)

А сейчас перед вами предстанет в натуре,
прославленный в нашей литературе,
Вольтер — властитель сердец и умов —
и лично вам скажет несколько слов.
(Указывает посохом.)

В о л ь т е р
(монотонно)

Мы имели возможность
ознакомиться с сочинениями
некоего Марата,
под претенциозным названием —
«О человеке».
В этом, с позволения сказать, эссе
Марат
разъяснил нам, непросвещенным,
что душа человека
расположена в коре головного мозга
и, таким образом,
воздействует на всю механику
человеческого организма.
Эта же душа, в свою очередь

получая от организма
те или иные сигналы,
превращает их в то,
что мы именуем сознанием.
Иными словами,
выходит,
что, предположим, мозоль
наполняет болью извилины мозга,
а омраченная болью душа
влияет на печень и почки.
Вот — примерная схема,
которую нам преподнес
под видом научного открытия
этот профан,
недостойный даже нашей насмешки.

Петух и Соловей иронически хохочут. На авансцену выходит фигура с пальмовой ветвью.

Г л а ш а т а й

Приглашаем на сцену другого гения!
(Указывает посохом.)
Господни Лавуазье! Вы, без сомнения,
знаете, что Марат исследовал свойства огня и света.
Что вы можете нам сообщить про это?..

Л а в у а з ь е
(монотонно)

Академия в свое время
рассматривала труды господина Марата
о физических свойствах огня,
света и электричества.
Названный выше Марат
вознамерился пересмотреть
все теории,
существовавшие в этой отрасли
прежде.
Так, по его утверждению,
огонь является.
не одной из четырех стихий,
а жидкой, текучей массой флюидов,
которые воспламеняются
от соприкосновения с воздухом.
Свет, утверждает Марат,
не является светом
в обычном понимании слова,
а только вибрацией
световых лучей,
так же как и тепло,
которое образуется

в результате все тех же вибраций
соприкосновения света
с человеческим телом,
от чего возникает движенье молекул.
Подводя итоги,
можно сказать,
что сей
новоявленный творец бытия
объявляет
несостоятельной
всю мировую науку,
кладя в основу существованья природы
тренье магнитных частиц,
вызывающих электрический ток.
Не удивительно,
что, овладев подобной премудростью,
он сидит в ванне,
изнемогает от зуда,
будучи просто не в силах
что-либо предпринять
против обычной чесотки.

Медведь и Козел иронически смеются. Отец и мать разражаются хохотом. Участники пантомимы становятся в позу судей, произносящих приговор.

В о л ь т е р
(под музыку)

И когда он понял,
что все его изыскания и научные опыты
полетели к чертям...

С в я щ е н н и к

Дилетант тотчас же учуял,
что можно выбиться в люди,
примкнув к революции.

У ч и т е л ь

И он об-об-ра-ра-тился к че-черни,
по-пошел к угнетенным.

Н у в о р и ш

И назвал себя «Другом Народа».

С в я щ е н н и к

Но думал он не о народе.

Л а в у а з ь е

А лишь о самом себе,
о собственной угнетенности!

Раскачиваясь и вновь разразившись хохотом, отец и мать удаляются, ведя за собой телегу с участниками пантомимы. Жак Ру спешит на защиту.

Ж а к Р у

Горе подвижнику!
Горе тому, кто отважится
выступить против рутины,
раздвинуть привычные рамки,
пробиться сквозь стену косности!
Освистан и высмеян тот,
кто дерзнул
сорвать с себя шоры невежества!..
О, Друг Народа Марат!
Всю жизнь ты стремился к ясности
и потому постигал
тайны огня и света!

В глубине сцены возникает беспокойство.

Ты мечтал разбудить
спящие силы природы,
встряхнуть их, растормошить,
и потому тебя влекло
к исследованию свойств электричества!
Ты, наконец, хотел
познать человека,
его назначение в жизни
и неустанно мучился жгучим вопросом:
где она расположена,
эта душа.

Пациенты, образуя группу, выступают вперед.

Этот сгусток
пустых идеалов
и взбаламученной нравственности?
Вот почему ты решил
поселить ее
в самом мозгу человека,
чтобы душа перестала
быть отвлеченным понятием,
сделавшись чем-то реальным,
чем-то практически действенным,
мыслящим,
способным
влиять на события,

подчинять себе жизнь!
И к революции ты пришел оттого,
что понял,
что дальше так длиться не может,
что нужны перемены,
решительный пересмотр
всех устаревших порядков,
полнейшая ломка
отживших установлений
и что без этой ломки
бесплодны любые усилия
усовершенствовать мир!..

Кульмье вскакивает. Сестры и санитары подбегают к Жаку Ру и оттаскивают его в глубину сцепы. Де Сад встает со своего стула и с усмешкой наблюдает за происходящим. Корде по-прежнему дремлет на лежаке. Дюпре сидит перед ней на полу.

Х о р
(в сопровождении музыки и молитвенных причитаний сестер)

Марат! Революцию нашу изгадили!
Марат! Мы с врагами пока что не сладили!
Марат! Мы, как прежде, живем в угнетении!
К чертовой матери долготерпение!

Г л а ш а т а й
(размахивая трещоткой)

Сквозь сумятицу времени мало-помалу
мы приближаемся с вами к финалу
той злосчастной эпохи, что нынче на деле
мы, слава господу, преодолели
и, устранивши противоречия,
достигли единства, добросердечия,
всеобщей любви и всеобщей гармонии,
поставив крест на былом беззаконии.
О значении этого величайшего факта
стоит подумать во время антракта.
Сейчас мы вас просим пройти в буфет,
чтоб отведать пива, кофе, конфет,
а затем, после отдыха небольшого,
вы Марата и ванне увидите слова.
(Указывает на Марата.)

Занавес.

АКТ ВТОРОЙ

За сценой — удары больничного колокола.

27. Национальное собрание

На сцене — декорации первого акта, с некоторыми изменениями. Справа — вокруг стула де Сада и трибуны Кульмье — сидят п а ц и е н т ы, которые изображает жирондистов в Национальном собрании. Д ю п р е сидит между двумя п а ц и е н т к а м и в одеждах кокоток. Слева, вокруг ванны Марата, находятся п а ц и е н т ы, которые изображают якобинцев и зрителей народа.

Х о р, разбившись на группы, воспроизводит продолжительный, почти беспрерывный гул возмущения: длинный, монотонный свист; приглушенный топот ног.

М а р а т стоит в ванне и глядит вперед, прямо перед собой.

Г л а ш а т а й

Прежде чем мертвым в могилу лечь,
Марат в уме произносит речь
и излагает свои теории
воображаемой аудитории.
(Посохом дает знак оркестру.)

Туш. Участники сцены, изображающие депутатов, свистит, топают и шаркают ногами.

Г о л о с а
(заученно)

Долой Марата!
Пусть говорит!
Прочь с трибуны!
Нельзя запрещать высказываться!
Да здравствует Робеспьер!
Слава Дантону!

М а р а т
(Говорит, глядя вперед. В течение всей своей речи он обращается не к тем, кто присутствует на сцене, так что становится ясно, что эту речь он произносит лишь в своем воображении.)

Сограждане,
депутаты Национального собрания!
Отечество в опасности.
Армии всей Европы,
предводительствуемые мародерами,
вторглись в наши границы,
чтоб задушить свободу и Францию.
Мысленно они уже делят добычу.
А мы...
Что делаем мы?

Слева – шарканье ног.

Наш военный министр,
чья верность долгу и честность
не вызывали у нас
ни малейших сомнений,
оказавшись вором и спекулянтом,
продает за границу хлеб,
предназначенный для нашей армии,
снабжая войска интервентов.

Продолжительный свист. Крики: «Ложь! Прочь с трибуны!»

Наш главнокомандующий —
генерал Дюмурье...

Жена Кульмье

Браво! Браво! Да здравствует!..

Марат

Генерал Дюмурье,
которого я считал предателем,
а вы объявляли героем,
переметнулся к противнику.

Крики: «Браво! Долой! Клевета!»

Большинство наших генералов
сочувствует эмигрантам
и только и ждет того дня,
когда можно будет вступить
в откровенную сделку
с врагами отечества.

Крики: «На гильотину! Лжец! Подстрекатель! Да здравствует Друг Народа!»

Хваленый наш финансист
господин Камбон
нажился на выпуске
фальшивых бумаг,
так что страна оказалась
на грани инфляции.

Свист и топот.

Соловей

Да здравствует свободное
предпринимательство!

М а р а т

Мне также известно,
что наш достославный банкир
господин Перго,
вступив с англичанами в заговор,
возглавил шпионский центр,
расположенный
в одном из подвалов
его банкирской конторы.

К у л ь м ь е
(вскакивает с места и решительно прерывает Марата)

Это — бесстыжая клевета
на достойнейшего человека,
кавалера Почетного легиона,
которого Наполеон
назначил
директором Национального банка!

Возгласы: «Марат, прекрати, заткнуть ему глотку! Марат, говори! Не бойся! Браво, Марат!»

М а р а т
(отвечая на крики)

Народ больше не в силах
покупать себе хлеб
у господ перекупщиков
по чудовищным ценам.
Наши солдаты ходят в лохмотьях.
Контрреволюция
ввергла страну в пучину
новой гражданской войны.
А мы продолжаем бездействовать!
Церковные земли по-прежнему
не розданы бедным,
хотя я не переставал твердить
о необходимости распределения
монастырских земель,
поделенных на небольшие участки,
среди неимущих,
с тем чтобы, снабдив
будущих владельцев этих участков
земледельческими орудиями,
посевным материалом
и прожиточными средствами,
превратить их в полезных граждан,
привязанных к революции
и заинтересованных в ее поддержке.
Ничто не сдвинулось с места!

До сих пор не созданы общинные мастерские
в зданиях бывших церквей и помещичьих замков!
Тот, кто работает, гнет спину
на маклеров, биржевиков,
держателей акций...

Шиканье.

Дорогие сограждане!
Неужели мы с вами дрались за свободу
во имя тех, кто нас грабит?

Голоса: «Хватит! В тюрьму подстрекатели! Слушайте! Слушайте!»

Отечество наше в опасности.
Мы говорим о Франции.
Но чья это Франция?!
Мы говорим о свободе,
Но чья это свобода?!
Депутаты Национального собрания!
Вы никогда не вырветесь
из проклятого прошлого,
никогда не поймете
опасности перерождения...

Свистки, гул возмущения.

Почему в этом зале
так мало мест?
Почему бы тысячам,
десяткам и сотням тысяч французов
не знать, что здесь происходит,
и не слышать того,
что здесь говорится?!

Д ю п р е

Чего он хочет достичь своими речами?
Посмотрите, кто сидит на трибунах:
вязальщицы, прачки, консьержки,
лишенные работодателей,
карманные воры, бездельники,
фланирующие по бульварам,

Возмущение среди слушателей.

завсегдатаи
парижских кафе...

Голос: «А на какие шиши?»

...беглые каторжники,
сумасшедшие, выпущенные
из психиатрических клиник...

Общее столпотворение, свист.

Неужто вся эта публика
должна управлять страной?!

М а р а т

Лжецы!
Вы ненавидите Францию!
Вам ненавистен народ!

Крики возмущения, возгласы: «Браво, Марат! Он говорит правду!»

Народ для вас — только бесформенная,
грубая масса,
потому что вы никогда
не знали народа, не жили среди него
и, примкнув к революции,
никогда не пытались
осмыслить се основы!
Разве Дантон,
даже великий Дантон,
не считает,
что мы должны сосредоточить все наши силы
прежде всего
на возведение бедности
в главную добродетель,
а не на уничтоженье богатства?!
Разве наш Робеспьер,
который бледнеет
при одном слове — «насилие»,
сам не проводит время
в известных салопах,
при отблеске канделябров,
за изысканным кушаньем?

Слушатели причмокивают языками. Крики: «Долой Робеспьера!
Да здравствует Марат!»

Мы все еще стремимся подражать
напудренным проходимцам —
Неккеру, Лафайету, Талейрану...

К у л ь м ь е
(резко)

Молчать!..
Сегодня, слава богу, не девяносто третий год,
а восемьсот восьмой,
и сам император
возвратил этим в свое время несправедливо
оклеветанным людям
достоинство, честь и доброе имя!

М а р а т

(решительно продолжая свою речь и, как бы не замечая Кулъмъе)

...Неккеру, Лафайету, Талейрану,
и так далее, и так далее —
всех их не перечислишь!
Нам наконец нужен
подлинный защитник интересов народа,
такой человек,
которого все мы могли бы назвать
неподкупным,
который пользовался бы всеобщим доверьем!
Конечно, споры и хаос —
хорошее дело,
но это пока что
лишь первая стадия,
за которой должно
последовать
главное.
Выберем одного,
который сможет решительно
отстаивать наши права...

Крики: «Назначить Марата диктатором! Посадить его панну! Швырнуть его в ванну! Крысиный диктатор!»

Диктатор!
Пусть навсегда исчезнет
это проклятое слово!
Мне ненавистно любое напоминание
о диктаторах, патриархах, владыках,
но нам нужен руководитель,
который в период кризиса...

Дальнейшие его слова тонут в общем шуме.

Д ю п р е

Он подстрекает
к новым убийствам!

М а р а т

Мы не убийцы!
Мы — судьи!
Мы деремся за жизнь!

Д ю п р е

О, как надоела агитация
вместо творческой мысли!

Как хочется вновь красоты и гармонии
вместо смуты и фанатизма толпы!

Четверо певцов бросаются на Дюпре и зажимают ему рот.

Ж а к Р у
(в глубине сцены вскакивает с места)

Слышите, что здесь творится?
Объединяйтесь!
Расправьтесь с врагами народа!
Спешите их обезвредить!
Если они победят,
никому из вас но будет пощады,
и все, чего вы добились,
пойдет прахом!

Возгласы восхищения, свистки, топот ног. Выкрики в хоре:
«Долой! К черту Марата! Прочь! Прочь!»

Г о л о с а

Марат! Марат! Марат! Марат!
Венчайте лавровым венком Друга Народа!
Слава Марату! Вечная слава!
Да здравствуют улицы!
Да здравствуют фонарные столбы!
Да здравствуют булочные!
Да здравствует Франция!
Да здравствует свобода!
Долой кандалы!
Долой смирительные рубахи!
Долой замки и запоры!
Долой решетки!

Возмущение и крики. Пациенты бросаются к авансцене. Величание Марата.

Х о р

Эй, друг Марат! Ты им кажешься зверем!
Но только тебе одному мы верим!

М е д в е д ь и К о з е л
(поют, пританцовывая)

Бей спекулянта! Души богатея!
Вздернуть попа — недурная затея!
А там с силенками соберемся
и до господа бога самого доберемся!

П е т у х и С о л о в е й
(поют, пританцовывая)

Теперича сами мы — господа!
Оленье рагу подавай нам сюда!
Представители угнетаемых классов
Желают рябчиков и ананасов!

Х о р

Марат! Марат! Марат!

Д е С а д
(приближается к авансцене: хор постепенно смолкает)

Итак, -
они найдут одного,
на кого они смогут свалить
все свои преступления,
и они назовут его кровавым чудовищем,
и он войдет в историю
под именем
Жан-Поля Марата!

Грохот барабанов, музыкальное вступление.

28. «Бедный Марат, ты сидишь в своей панне...»

Марат покорно вновь садится в ванну и утомленно склоняет голову на доску. Скамьи для зрителей отодвигают назад. Сестры и санитары оттесняют пациентов в глубину сцены. Впереди четверо певцов медленно танцуют «Карманьолу».

М е д в е д ь и К о з е л

Бедный Марат, ты сидишь к синен ванне,
а время подходит к последней грани.
Сейчас ты погибнешь от рук злодейки,
которая спит вон на той скамейке.

П е т у х и С о л о в е й

Но покуда ей графы и рыцари снятся,
тебе не худо бы с места сняться
и перебраться в другие места:
Корде проснется, а ванна — пуста!

М е д в е д ь и К о з е л

Бедный Марат! Ну, не будь ротозеем!
Ведь без тебя мы осиротеем!

Бедный Марат! Наступает ночь...
(Указывая на Корде.)
Смотри! Не впускай ее, сучью дочь!

Трижды раздаются оглушительный грохот барабана. Шум в глубине сцены смолкает. Пациентов выстраивают н шеренгу, руки у них сложены на голове. Сестры стоят перед Маратом, молитвенно сложив руки. Слышно, как они бормочут молитвы. Четверо певцов некоторое время еще продолжают танцевать, потом растягиваются на полу.

Марат
(боязливо)

Что там за стук,
Симона?
(Вновь повелительно.)
Симона,
подлей холодной воды!

Симона сидит скорчившись и не реагирует на его слова.

Симона,
куда запропастился Басс?

Де Сад

Хватит, Марат! Прекрати!
Ты сам говорил,
что нет прока
в маранье бумаги.
Я уже давно
бросил труд
всей моей жизни —
свиток
в тридцать метров длиной,
исписанный бисерным почерком:
я сочинял это в камере.
А когда пала Бастилия,
моя рукопись
бесследно исчезла,
как исчезает все,
что написано рукой человека
или создано
его мыслью и воображением...

Марат лежит, уткнувшись лицом в доску, зажав уши руками.

Марат,
взгляни на меня!
Подумай, Марат,
как ты жил в своей ванне?
Зачем ты так себя мучил?

По приказу сестер пациенты меняют позу и стоят, подняв руки вверх.

М а р а т
(выпрямляется)

Мне было отпущено время
только на труд,
на работу.
Порою мне не хватало суток;
когда я пытался исследовать
причины
того шли иного общественного порока,
я тотчас же обнаруживал
тысячи
идущих от него ответвлений.
Куда бы ни бросил взгляд,
я видел сплошные пороки,
сплошное падение нравов.

Один из стоящих в шеренге пациентов падает навзничь. Санитар уносит его.

Когда я писал,
я неизменно думал
о необходимости действия
и рассматривал слово
как прелюдию к делу.
Меня всего колотила нервная дрожь,
ибо я уже слышал
грохот грядущих действий.
Помню,
над книгой «Цепи рабства»
я работал в течение трех месяцев
по двадцать часов в сутки.
Горы материалов
были мной собраны,
изучены,
перемолоты мыслью,
исследованы до мельчайших крупиц,
но чем я дольше работал,
тем глубже меня засасывала
трясина материала.
Две недели я находился в прострации,
а между тем
мою рукопись уже объявили запретной.
Так случалось всегда:
каждое мое слово стремились оклеветать,
извратить его смысл, обезвредить.
Любая моя листовка
грозила мне арестом и казнью.
Почти всю жизнь
я провел в изгнании,
в бегстве,

в подполье.
Тысяча солдат национальной гвардии,
вооруженных пушками,
окружили мой дом.
Да и сегодня я жду,
что постучат в мою дверь
и черное жало смерти
к груди мне приставит штык.

Де Сад

Что толку в твоих воззваньях?
Поздно, Марат! Дело сделано.
Забудь о своем манифесте,
в каждой фразе которого
содержится ложь.
Неужто ты до сих пор
так и не понял
всей тщеты революции?
Неужто ты не увидел,
куда она завела?
Взгляни хотя бы на этих
заблудших революционеров –
(указывает на четверых певцов, которые сидят в ожидании)
с их кокардами на шутовских колпаках.
Что значат для них слова твоего манифеста?
Куда ты их можешь направить?
Что хочешь им приказать?..

Четверо певцов
(поют, как бы отвечая на монолог Де Сада)

Бедный Марат со своей прокламацией!
Воры торгуют французскою нацией.
Сам ты, когда-то объездив весь свет,
понял: нигде справедливости нет.
Давят народ богачи проклятущие,
и прозябают в нужде неимущие,
но, испытав на себе произвол,
ты в революции выход нашел!
Кроме всемирного землетрясения,
нет никакого иного спасения!
Так, поднимая на битву народ,
ты на столетие вышел вперед!..

Музыка смолкает. Четверо певцов, танцуя, возвращаются на середину сцены. Пациенты вновь занимают свои места. Сестры пытаются разбудить Шарлотту Корде. Трижды раздаётся громкий, настойчивый стук.

29. Приготовление к третьему приходу Шарлотты Корде

Г л а ш а т а й

Корде,
проснись!

Пауза. Имя «Корде» шепотом повторяется в глубине сцены. Шепот, нарастая, заполняет всю сцену. Сестры тормошат Шарлотту, Дюпре окликает ее. Симона стоит скорчившись около ванны, устремив взгляд на то место, где находится Шарлотта Корде.

Х о р

Корде,
Корде,
проснись!
Проснись, Шарлотта Корде,
Корде, проснись!

В музыке — тема Корде.

Г л а ш а т а й
(посохом дает знак оркестру)

Шарлотта Корде! Твое время настало!
Проснись-ка во что бы то ни стало!
Слышишь. Шарлотта! А ну-ка, вставай
и поскорее кинжал доставай!

Пауза. Сестры силком поднимают Корде со скамьи и ставят ее на ноги. Корде стоит, опустив голову, колени у нее подгибаются. Сестры поддерживают ее и медленно ведут к авансцене. Корде еле волочит ноги. Дюпре идет сзади, обнимая Шарлотту за бедра.

Ты слышишь, Шарлотта?! Проснись? А потом
успеешь выспаться вечным сном.

Шарлотту ставят в позу. Две сестры поддерживают ее с обеих сторон. Дюпре стоит сзади, упершись ей в спину. Музыка смолкает.

К о р д е
(с закрытыми, глазами, говорит тихо и боязливо)

Теперь я знаю,
как это выглядит,
когда голова разлучается с телом.
Руки завязаны на спину,
стянуты ноги шнурком,
шея обнажена,
волосы на макушке обрезаны, —
затем
между двух столбов
взлетает по желобам
косое широкое лезвие,

на котором дрожат
капельки крови,
и —
резко падает вниз.
В эту долю мгновения
голова,
сжатая металлическим обручем,
еще смотрит
в окровавленную корзину,
и тут происходит
удар,
который вас делит надвое...

Пауза.

Это значит,
что голова,
которую держит палач, высоко подняв над
толпой,
еще продолжает жить:
глаза еще видят,
язык еще ворочается,
а внизу —
отдельно от головы —
еще дергаются в судорогах
руки и ноги...

Д ю п р е
(подходит к Шарлотте, обнимая ее за бедра,
говорит сопровождении лютни)

Что ты там шепчешь, Шарлотта?
Что за ужасные сны?
Шарлотта, проснись!
Взгляни, как прекрасны
эти деревья,
как розов закат,
не думай о страшных вещах!
Лучше вдохни всей своей грудью,
своей полной,
удивительной грудью,
пленительный аромат чудесного летнего
вечера...

Пауза. Дюпре проводит рукой по ее груди и под платком нащупывает у нее кинжал.

Зачем у тебя кинжал?
Выбрось его, Шарлотта!

Музыка смолкает.

К о р д е
(отталкивает его руку)

Сейчас нельзя без оружья.
Надо уметь защищаться...

Д ю п р е
(умоляя)

Кто тебя смеет обидеть,
моя дорогая?!
Выбрось кинжал!
Уезжай отсюда!
Вернись к себе в Кан!

К о р д е
(выпрямляется и отталкивает сестер)

Там, в Кане,
в моей комнате
лежит на столе у окна
раскрытая Книга Юдифи.
Юдифь тоже ушла,
чтоб никогда не вернуться;
наделенная
необыкновенной красотою,
она пробралась
в лагерь тирана
и одним ударом меча
отсекла ему голову!

Бормотанье молитв в глубине сцены.

Д ю п р е

Шарлотта,
что ты задумала?

Пациенты в середине сцены образуют группу. Корде поднимает руку, как бы готовясь постучать в дверь.

30. Третий и последний приход Шарлотты Корде

Глашатай трижды стучит посохом об пол, сопровождая стук Шарлотты в изображаемую дверь. Марат вздрагивает смотрит в сторону Корде. Симона становится перед ванной, ограждая Марата.

Д ю п р е

Зачем ты пришла к этот дом?
Знаешь, кто здесь живет?

К о р д е

Он,
ради которого я прибыла в этот город.

Д ю п р е

Зачем он тебе?
Уходи отсюда, Шарлотта!
(Падает перед ней на колени.)

К о р д е

Я получила приказ
и должна его выполнить...
(Отпихивает его ногой.)
Оставь меня здесь одну.

Дюпре обхватывает ее ноги. Шарлотта несколько раз пинает его. Дюпре на коленях пятится назад.

Г л а ш а т а й
(указывает на Шарлотту)

Итак, смотрите, как в третий раз
пациентка, которая здесь у нас
изображает Корде Шарлотту,
берется опять за свою работу
и переступает заветный порог...
(Указывает на Корде.)
Дюпре у ее валяется ног.
Но она не слышит его уговоров,
потому что такой у нее жуткий норов.
(Указывает на Корде.)
И мы, развивая событий нить,
не в силах уже ничего изменить.
(Указывает па Дюпре, который па коленях пятится назад.)
Дюпре! Напрасны твои старания!
(Укалывает па Шарлотту.)
Ее уже охватила мания,
и, одержимая чувством одним,
она прямо жаждет расправиться с ним.
(Указывает па Марата.)

М а р а т
(выпрямившись во весь рост)

Нет,
я все-таки прав,
я готов повторить все сначала...
Симона,

где Басс?
Мое воззванье не ждет...

Симона отходит в сторону и, застыв, в ужасе глядит на Шарлотту.

Д е С а д
(подходит к *ванне)*

Марат, что значат,
что значат
все твои памфлеты и речи
перед этой красавицей,
которая там стоит
и рвется к тебе,
чтобы тебя обнять,
поцеловать тебя в губы.
Марат!
Девственница предлагает тебе
свою девственность!

Корде стоит выпрямившись и, усмехаясь, перекидывает волосы через плечо, затем кладет руку себе на грудь, где у нее под платком спрятан нож.

Взгляни,
как она улыбается,
как блестят ее зубы,
как она распустила волосы.
Марат!
Забудь обо всем!
Она явилась, Марат!
Она хочет тебя.
Разве ты не чувствуешь
жар ее плоти?
Вот она — перед тобой,
с обнаженной грудью,
едва прикрытой косынкой,
под которой, быть может,
даже спрятан кинжал,
чтобы придать этакую остроту
любовной игре!

Корде на миг приближается к ванне. Она покачивает бедрами, как бы предлагая себя. Симона, застыв в неподвижности, механически вынимает платок.

М а р а т

Симона,
кто там стучит?
Ты слышала стук, Симона?

Д е С а д

Девушка из сельской глуши,
молодая монахиня.
Подумай
о горькой судьбе
этих несчастных затворниц,
которые, ложа на жестком полу,
себя истязают крапивой.
Теплый воздух с полей
едва пропинает
в их кельи
сквозь решетки стрельчатых окон...
Подумай,
как они там лежат,
в сорочках, влажных от сырости,
изнывая от вожделения
и мечтая о самом простом соитии,
как о некоем сверхнебывалом событии.

Аккорд лютни. Пантомима. Соловей садится верхом на Медведя
и проделывает акробатические трюки.

(Под музыку.)

Взбудоражило новое время бедняжку!
Революция! Вольность! Душа нараспашку!
И уже опостылел ей дряхлый господь,
и бунтует закрепощенная плоть,
ибо нет революционного искупления
без всеобщего совокупления!..

Х о р
(протяжно)

Нет революционного искупления
без всеобщего совокупления!

Конец пантомимы.

Д е С а д

Марат,
перед тобою тело,
которое алчет тебя!..
Когда я тринадцать лет
торчал в цитадели,
я понял,
что мир состоит из человеческих тел
и что в каждом из этих тел
заложена величайшая энергия,
которая рвется наружу!
Там, в одиночестве,
в мире каменных стен,

я непрерывно слышал
сладострастный шепот
невидимых губ.
Каждой клеточкой кожи,
спиной, ладонями рук
я ощущал
сладость
невидимых прикосновений.
Запертый
за тринадцатью замками,
закованный в цепи,
я мечтал
о раскрепощении плоти,
о небывалом пиршестве тела...

Один из пациентов, согнувшись и втянув голову в плечи, на цыпочках приближается к авансцене и с интересом прислушивается. Остальные пациенты следуют за ним.

Только любовная битва
является подлинной битвой!
Марат, пойми —
нет несчастнее узника,
чем заточенная плоть!
Покуда плоть заперта,
все ваши революции
окажутся просто бунтом в тюрьме,
который будет подавлен
предателями из числа самих арестантов.

Х о р
(в сопровождении музыки, протяжно)

Не даст революция искупления
без всеобщего совокупления!

Музыка смолкает.

К о р д е
(обращаясь к Симоне; к сопровождении лютни)

Я вам вручила письмо в конверте.
Речь там идет о жизни и смерти.
Марат должен знать о событиях в Кане,
иначе окажется он в капкане.

М а р а т

Кто там пришел?

С и м о н а
(вновь становится около ванны, заслоняя собой Марата)

Девушка из Кана...

М а р а т

Скажи, пусть войдет...

Симона отходит в сторону, неодобрительно качая головой. Она присаживается на корточки позади ванны и закрывает лицо руками. Корде приближается к ванне. Она улыбается. Рукой она все еще придерживает платок на груди. Де Сад покидает игровую площадку и возвращается к своему стулу, где и останавливается, с напряженным вниманием наблюдая за дальнейшим развитием действия.

К о р д е
(тихо)

Марат,
я хочу тебе назвать имена
наших героев.
Но это не будет предательством,
потому что я говорю с мертвецом.

М а р а т
(выпрямляясь)

Выражайся ясней!
Я что-то тебя не пойму.
Подойти поближе...

Корде с застывшей улыбкой приближается к ванне. Ее тело медленно раскачивается. Она сует руку под платок.

К о р д е
(в манере монотонного пения)

Вот тебе — их имена,
слышишь, Марат!
Вот имена заговорщиков,
собравшихся в Капе:
Барбару,
Базо,
Петион,
Луве,
Бриссо,
Верньо,
Гаде,
Кансонне...

По мере того как она произносит эти имена, ее лицо принимает все более дикое выражение, в котором смешаны ненависть и сладострастие.

М а р а т

Кто ты?
Приблизься...

Марат приподнимается. Простыни соскальзывают с его плеч. Шарлотта наклоняется над ним. Левой рукой она как бы хочет его обнять, в правой руке – под платком — она держит кинжал.

К о р д е

Марат,
я пришла,
но ты не увидишь меня,
ибо ты уже мертв.

М а р а т
(полуобнаженный, встает ко весь рост и кричит)

Басс! Пиши!
«Суббота,
тринадцатое июля
тысяча семьсот девяносто третьего года.
К французской нации.
Граждане!..»

Корде стоит прямо перед Маратом. Левой рукой она гладит его грудь, плечи и шею. Марат сидит неподвижно, откинувшись на спинку ванны. В правой руке у него перо. Корде достает из-под платка кинжал, берет его обеими руками и высоко заносит над Маратом. Резкий свисток Глашатая. Пациенты, санитары и сестры застывают, образуя немую сцену. Корде съеживается. Марат неподвижен.

31. Вставной эпизод

Г л а ш а т а й

А сейчас, в нарушенье театральной традиции,
мы явим вам чудеса композиции
и перед финалом введем эпизод,
в котором изложен дальнейший ход
истории нашей великой нации
после той мерзостной провокации,
которая здесь произошла
в июле, тринадцатого числа
тысяча семьсот девяносто третьего года,
когда зарезан был Друг Народа.
Нам хочется, чтоб перед смертью Марат
узнал из последующих тирад,
какого мы с вами достигли расцвета
после того беспокойного лета
и как по праву вступил на трон
наш император Наполеон,
сделавшись нашим законным правителем...
Словом, все то, что известно зрителям.
(Указывает на публику.)

Музыка в быстром темпе исполняет военный марш. Четверо певцов выходят.

Четверо певцов
(песня)

В Вандее вспыхнул мятеж роялистов.
Мы бились геройски, хоть враг был неистов.
Но нам удалось роялистов смести
и революцию нашу спасти.
Знамена трехцветные к небу вздымались.
Напрасно враги, как ужи, извивались:
железный революционный террор
на головы гадин обрушил топор.
Так в каждом отряде экспедиционном,
охваченном пафосом революционным,
мы за народное дело дрались
и смыли с земли роялистскую слизь.
Так кровью своею, делами своими
мы в битвах твое обессмертили имя,
присвоив его одному из полков...
Марат! О, как был ты умен и толков,
когда нас учил расправляться с врагами...
Ты умер, Марат! Но твой образ был с нами.
Взвивались, взвивались знамена побед.
Марат — наше знамя! Нам удержу нет!
Предатели всю свою спесь растеряли:
Одни – застрелились, других — расстреляли.
И за эскадроном лихой эскадрон,
как буря, влетел в осажденный Лион!
Чтоб контрреволюционную выжечь заразу, |
три тысячи мы обезглавили сразу
и двинулись дальше, как яростный шквал,
и Нант перед нами не устоял.
Дома заговорщиков гибнут в пожаре,
тела заговорщиков тонут в Луаре,
а мы уже дружно штурмуем Тулон —
и там предводителем наших колонн
был офицер, кто немного позднее
для целого мира стал грома грознее...
Как видишь, Марат, наш напор не утих:
врагов одолев, мы взялись за своих.
Недаром учил ты, на многих примерах,
уменью врагов узнавать в маловерах.
И вот Робеспьер задал правильный тон,
и на гильотину отправлен Дантон,
а вслед на Дантоном — толпа супостатов,
которых мы чтили как депутатов:
они заварили предательства кашу,
используя подло доверчивость нашу!..
Так пусть неподкупные правят страной!..
Вот едут на плаху в телеге одной,
покрыты плевками, обложены свистом,
былой якобинец с былым роялистом,

и тот якобинец, и тот роялист
от страха дрожат, как осиновый лист,
поскольку для госпожи Гильотины
все люди, как братья родные, едины
и не пожалеет ничьей головы
проворная бритва веселой вдовы!
Не устрашат нас врагов завыванья!
Революционные завоеванья
великий революционер Робеспьер
спасает при помощи крайних мер.
Крайняя мера — есть крайняя мера...
Но посмотри! Волокут Робеспьера!
Какие-то он произносит слова,
но вот уж в корзине — его голова.
За то, что к врагам он не знал пощады,
его уничтожить решили гады,
которые, верша свои махинации,
мечту лелеяли о реставрации!
И даже лучший твой друг — Жак Ру
также был приговорен к топору...
А теперь мы тебе сообщим, наконец,
что у нас у всех появился отец —
Бонапарт, обожаемый нашим народом.
Он, кажется, из Сардинии или с Корсики родом,
и хотя одет он в военный мундир,
он обещает нам вечный мир
и работой нас обеспечил в своих
оружейных кузницах и мастерских.
Себя именует он революционным
императором Франции — Наполеоном!..
Итак, — революция и император...

Громкий аккорд.

Да... Это, прямо скажем, — театр!
Повсюду торжественный марш звучит,
а у нас с голодухи в брюхе урчит,
и мы стоим и глазеем на все па это,
а попы распевают:
«Мно-гая ле-та!..»

32. Убийство

Г л а ш а т а й
(подает знак посохом)

Убийство!

Корде, вдруг очнувшись от забытья, заносит руки для могучего удара и вонзает кинжал в грудь Марата. Пациенты издают общий крик. Де Сад стоит с торжествующим видом, чуть подавшись вперед и сотрясаясь от беззвучного смеха. Все обступают ванну. Героическая немая сцена. Выглядит она так: Марат поник, как на классической картине Давида, – правая рука свешивается через край ванны. В правой руке зажато перо, а в левой — бумаги. Корде все так же сжимает

кинжал. Четверо певцов хватают ее сзади и так резко дергают за локти, что платок на груди у Шарлотты разрывается, обнажая грудь. Симона стоит, наклонясь над ванной, с жестами ужаса. Дюпре на коленях. Жак Ру стоит позади ванны на скамье.

33. Эпилог

Торжественно-приглушенное оркестровое вступление. Сестры выходят вперед и уводят Шарлотту, которая опять сникает. Они поправляют платок у нее на груди. Сестры подводят Шарлотту к де Саду, Шарлотта протягивает ему кинжал. Сестры заслоняют ванну простыней. Под прикрытием простыни Марат выходит из ванны. Глашатай, подняв посох, приближается к авансцене. Музыка смолкает.

Г л а ш а т а й

Почтенные зрители! Совершив путешествие
в эпоху повального сумасшествия,
к современности обратим просветленный взор,
где перед нами открыт простор
воистину свободной и радостной жизни,
которая наступит в нашей отчизне,
испытавшей столько тяжких невзгод,
ну, если не завтра, так через год...
Сейчас разойдетесь вы по домам,
Но на прощанье хотелось бы нам,
пусть в самых общих чертах, пусть вкратце,
кой в чем по возможности разобраться.
Так попросим Марата, стоящего тут,
воскреснуть хотя бы на пять минут.

Простыню опускают. Марат выступает вперед.

М а р а т

Пожалуйста! Вот я опять перед вами
и объясню все своими словами,
а не теми, что автор мне навязал,
чтоб я их выкрикивал в зрительный зал.
Задумайтесь над иным сюжетом...
Я видел, что золото правит светом,
но золотом тем обладают не многие,
а, к сожалению, очень немногие.
Богатством владеет несколько лиц,
а нищета не имеет границ.
Тогда я понял, что нужен взрыв,
чтоб несправедливости лопнул нарыв,
я понял, что нужен полнейший слом
того, что зовется всемирным злом,
что нужен решительный переворот,
чтоб навсегда человеческий род
избавился от заплывших жиром
разбойников, правящих этим миром,
но будут бесплодными все усилия
без революции, без насилия,

и оттого призывал к расправе я
над всеми носителями бесправия,
над всеми, кто служит златому тельцу.
Да, да! Ни к барышнику, ни к дельцу
я никогда не испытывал жалости
и в битве с ними не знал усталости!..
Из гроба мое не восстанет тело,
но не умрет мое правое дело.
За мною следом другие придут
и дело мое до конца доведут.
И люди, в порыве священного братства,
разделят поровну все богатства!

Г л а ш а т а й

Скажи нам, Корде, как бы ты поступила,
если бы стража тебя отпустила?

К о р д е

Ах, я жила в тишине и покое.
Как же пошла я на дело такое?..
Честно скажу: для меня это внове —
ложиться под нож за пролитие крови.
Но когда я узнала об этом злодее,
меня ужаснули его идеи.
Я видела в каждом его манифесте
призывы к ненависти и к мести,
а не к согласию и к добру.
Тогда я решила, что лучше умру,
чем допущу, чтоб нам жить под режимом,
который навязан сим одержимым,
что в ванне сидит, источая гной,
и ядовитою брызжет слюной,
революцию пачкая кровью и грязью.
И чтоб прекратить его безобразья,
я, признаюсь, абсолютно готова
его, если нужно, зарезать снова.

Ж а к Р у
(быстро выбегает вперед)

Не верьте словам этой хищной красотки —
лжедемократки и лжепатриотки!
(Указывает на Корде.)
Потоком высокопарных фраз
народ околпачивался не раз!
Бубнят про высокие идеалы
эксплуататоры и обиралы:
«Гуманность, свобода, любовь, добро», —
украв у народа его добро!
Вы только что слышали всякие байки

из уст отъявленной негодяйки!
И до чего же она лицемерна!
Опасность подобных речей безмерна:
ведь предпочтительней волк в натуре,
чем тот же волк, но в овечьей шкуре!

По приказу Кульмье сестры и санитары набрасываются на Жака Ру
и оттаскивают его в сторону сцены.

Г л а ш а т а й
(обращаясь к де Саду)

Быть может, теперь господин маркиз
раскроет нам сущность своих реприз
и не откажется от оценки
только что виденной нами сценки?

Д е С а д

Смысл мною созданною творенья —
в противоборстве двух точек зренья.
Хотел разрешить я извечный спор,
что продолжается до сих пор.
Но вот что воистину примечательно,
что сам я запутался в нем окончательно,
и, откровенно скажу, боюсь,
что под конец я скажу: «Сдаюсь!»
Марат народ призывает к битве,
а не к терпенью, не к молитве,
другие, как видите, наоборот,
долготерпению учат народ.
Я лично тоже стою за ломку,
но надо сперва подстелить соломку
и постараться найти нечто среднее
меж революцией и церковной обеднею.
Установив, что есть два пути,
я третий путь пытаюсь найти,
но, как сторонник этого третьего,
нигде и ни в чем не смог усмотреть его,
итак, увы, я остался с носом,
а вопрос мой остался открытым вопросом!

К у л ь м ь е

Но сейчас у нас совсем иная эпоха,
и живется нам, говоря по правде, неплохо:
мы обеспечены хлебом и топливом тоже
и стали на нормальных людей похожи.
И хотя пока что идет война,
однако победа уже видна!

В оркестре — финальный марш. Пациенты, выстроившись шеренгу, маршируют на месте.

Четверо певцов

И пусть у нас животы еще не набиты,
мы нашей общею целью сыты.
Свобода слова укрепляет наш дух,
хоть и не все говорится вслух,
и кое-что даже, напротив,— шепотом,
в чем мы обладаем богатым опытом.

Хор
(в сопровождении нарастающий музыки, маршируя на месте)

И даже мы, в этом учреждении,
исполнены твердого убеждения
в том, что о нас заботится государство,
и в ответ охотно принимаем лекарства,
решительно отказываясь от какой бы то ни было
критики
сегодняшней официальной политики,
потому что только неисправимые циники
недовольны порядками в нашей клинике,
а здравомыслящие сумасшедшие
приветствуют перемены, происшедшие
с приходом великого Наполеона,
который правит революционно!

Сверху спускают огромный портрет Наполеона в героической позе. Музыка становится все громче. Колонна пациентов марширует вперед. Сестры и санитары пытаются задержать шествие. Колонна по нескольку раз делает четыре шага вперед, три — назад. Музыка становятся еще громче, тема марша — еще отчетливее.
Кульмье беспокойно отходит в сторону, машет руками, как бы отгоняя шествие.

Все

Да здравствует наш император, кто ныне
ведет нашу армию сквозь пустыни,
сквозь океаны и сквозь снега,
чтоб навсегда сокрушить врага
и на колени его поставить, —
и окончательно этим прославить
наше возлюбленное отечество
для блага и счастья всего человечества!

В грохоте марша колонна движется к авансцене, по-прежнему то делая несколько шагов вперед, то несколько шагов назад.

К у л ь м ь е
(перекрывая грохот)

Да здравствует Франция, Наполеон
и наша лечебница Шарантон!

В с е
(громко скандируют, не прекращая марша)

Шарантон! Шарантон!
Наполеон! Наполеон!
Искупление! Искупление!
Совокупление! Совокупление!

Музыка, крики и топот ног сливаются воедино. Кульмье возвращается на свою трибуну и дает знак — сигнал общей тревоги. Гудит больничный колокол. Санитары берут дубинки и набрасываются на пациентов. Жак Ру вырывается на авансцену.

Ж а к Р у
(обращаясь к пациентам и публике)

Итак,
они убили вашего друга,
а вы стояли и допустили вес это, —
из косности,
из незнания,
из лености мысли!..
Властью крови...
господством железа и золота
враги революции
хотят у нас вырвать богатства,
которые принадлежат вам по праву!..

Общее столпотворение. Перекрывая шум, Жак Ру продолжает.

Учитесь видеть и думать!
Учитесь бороться!
Последнее слово будет за вами.

Жак Ру исчезает в глубине колонны. Хор, четверо певцов и многие из пациентов рукоплещут ему. Кульмье, отчаявшись, делает знак задернуть занавес.

Занавес.